

The poster features a central male character in a trench coat, looking towards the right. To his left and right are the backs of two other men in trench coats. In the background, the Big Ben clock tower is visible on the left, and a woman's face is partially visible on the right. The title is written in large, bold, yellow and white Cyrillic letters.

АНДРЕЙ
ТРОЦКИЙ
ШПИОН
ОСОБОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

Шпион особого назначения

Андрей Троицкий

Шпион особого назначения

«Андрей Троицкий»

Троицкий А. Б.

Шпион особого назначения / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий», — (Шпион особого назначения)

Кто он, человек, скрывающийся под кличкой пан Петер? Человек, завладевший списками всей агентуры российской разведки в Чехии и намеревавшийся продать эти списки любой спецслужбе, готовой заплатить подороже? Выяснить это должен ОН – «шпион особого назначения». Мастер, в совершенстве постигший нелегкое искусство жить «под легендой» и находить информацию там, где найти ее невозможно. Однако расследование, которое начинает «шпион особого назначения» в Праге, выводит его на цепь преступлений – преступлений загадочных и на первый взгляд совершенно не связанных между собой...

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвертая	33
Глава пятая	40
Глава шестая	47
Глава седьмая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Троицкий

Шпион особого назначения

Часть первая

Вызов

Пролог

Прага. 21 сентября

Прага не самое веселое место на свете, особенно нынешней осенью, когда северный циклон занавесил небо низкими лохматыми тучами и шальной ветер гуляет по узким улицам старого города.

Дождь заливает белые пластиковые столы и стулья, выставленные на мостовой, ветер треплет тенты летних кафе, хозяева которых тщетно надеются на возвращение хорошей погоды и богатых туристов из Западной Европы. Но туристы попрятались в бары гостиниц и пивные, уличные проститутки уже потеряли надежду заработать и, пережидая ливень, торчат в подворотнях. Свет желтых фонарей расплывается по мокрой брусчатке и стекает под канализационные решетки. Время приближается к семи с четвертью вечера, но, кажется, вот-вот наступит поздняя ночь.

Одинокий пешеход, одетый в темно серый плащ, мягкую шляпу, обеими руками вцепившись в деревянную ручку зонта, неторопливо брел вдоль готических домов на Железной улице. Пешеходом был пожилой хозяин сувенирной лавки Марек Кундера. Во внутреннем кармане пиджака лежало отпечатанное на машинке письмо, которое нужно было отправить не позднее семи тридцати, потому что именно в это время почтовая машина подъезжает забрать корреспонденцию. От того, дойдет ли письмо до адресата, зависела жизнь Кундеры.

Он свернул на свободную от автомобилей Селетную улицу и направился к ратуше. Кундера подошел к почтовому ящику, оглянулся по сторонам. Кажется, ничего подозрительного. Он опустил руку в карман, нащупал конверт, вытащил его и бросил в ящик.

Подняв воротник плаща, отошел в сторону, задрал голову кверху. Огромная туча повисла так низко, что казалось, средневековая семидесяти метровая башня ратуши, сложенная из серого камня, достает тучу своим шпилем. Подсвеченные прожектором часы показывали семь двадцать восемь.

Кундера озяб, и уже скурил вторую сигарету, когда с опозданием в четверть часа появилась почтовая машина. Кундера бросил окурочек и, наступая в лужи, быстро зашагал в восточном направлении.

Марек Кундера занимал квартиру на втором этаже старого с облупившимся фасадом трехэтажного здания, ветхого и узкого, зажатого между двумя доходными многоквартирными домами. Здесь же на первом этаже помещалась его сувенирная лавка. Поднявшись на ступеньку, он отпер дверь, переступил порог и включил верхний свет в предбаннике. Отсюда, снизу, узкая винтовая лестница поднималась наверх, прямо в квартиру Кундеры. Подумав мгновение, он решил, не тащиться наверх, а побыть наедине с собой, посидеть в лавке.

Торговля перешла к нему по наследству от матери Кундеры. В прежние годы, когда Марек Кундера состоял на государственной службе, занимая скромные должности в министерстве иностранных дел, в лавке заправляла его жена Малгожата Вишневская, еврейка польского

происхождения. Когда мужа, к тому времени работника среднего звена, отправили на пенсию, Малгожата отошла от дел, а Кундера взялся за торговое ремесло, совместив профессии бухгалтера и администратора лавки.

Через подсобку он прошел в тесный торговый зал, зажег настольную лампу, стоящую на стойке, подошел к витрине, проверил, плотно ли закрыты жалюзи. Убедившись, что с улицы его не видно, Марек вернулся за стойку.

Сев на высокий стул, нагнулся, достал из-под стойки и поставил на прилавок початую бутылку сливовицы и граненую стопку. Отвинтив крышку, наполнил рюмку до половины. Открыв рот, влил в рот горько сладкую жидкость, и тут разнеслась тонкая трель электрического звонка. Кундера поднялся, по коридору подошел к входной двери, через глазок выглянул на площадку. Он увидел самодовольную физиономию Бареша, его простуженный нос, похожий на разогретый докрасна паяльник.

Кундера распахнул дверь. Бареш остался стоять по ту сторону порога.

– С вами хочет поговорить пан Петер, – сказал Бареш вместо приветствия. – Он должен сказать вам нечто важное, ждет в машине. Разговор не отнимет много времени. Вы один дома?

– Один.

– А супруга? – Бареш перешагнул порог.

– Она спит.

Бареш подмигнул хозяину одним глазом, снял шляпу.

– Возможно, уже сегодня вы станете обеспеченным человеком.

– Но мы, же договорились увидеться через пять дней, – проворчал Кундера. – Я ничего не успел сделать. Пока не успел. Два дня плохо себя чувствовал, не выходил из дома.

– Разве? – удивленно поднял брови Бареш. – Не выходили?

– Два дня я лежал в постели. Даже не вставал.

– Сейчас поправились? – криво усмехнулся Бареш.

– Поправился. Пойдемте со мной.

Кундера решил, что сболтнул глупость насчет болезни. Просто не успел придумать ничего лучшего. Ложь получилась крайне неубедительной, фальшивой. Его слова наверняка можно проверить. Возможно, за ним следили...

Хозяин впустил Бареша в лавку. Пока Кундера искал сигареты, Бареш отошел к витрине, чуть приподнял жалюзи. Сделав вид, что прикуривает сигарету, помахал огоньком зажигалки из стороны в сторону. Человек, сидевший в машине, следил за окнами, заметил сигнал и принял для себя какое-то решение. Когда вышли на улицу, Кундера поднял голову, посмотрел на освещенные окна второго этажа, на подсвеченную тремя лампочками вывеску сувенирной лавки. Сердце клещами сжало, показалось, что он покидает дом навсегда, и больше сюда не вернется. «Глупости, – сказал себе Кундера. – Через пять, ну, через десять минут я уже буду сидеть в теплой кухне». Бареш распахнул дверцу, пропустил Кундера на заднее сидение, сам обошел машину, сел с другой стороны, привалился к Кундере плечом.

В салоне было темно, человек, занимавший переднее кресло, оглянулся. Кундера вытянул голову вперед, близоруко прищурился, стараясь разглядеть лицо незнакомца. Пан Петер не издал ни единого звука, вытащил из кармана фонарик и осветил в лицо Кундере.

– Ну, успел предупредить своих хозяев? – спросил он. – Куда ты ходил сегодня днем?

Кундера поднял ладонь, закрыл глаза от света фонарика.

– Я был болен, – упрямо повторил он. – И уберите свой фонарь. Я не выходил из дома. Лежал... То есть я выходил. Был у врача.

– Ты врешь.

Пан Петер запустил руку под плащ, выдернул пистолет и ткнул стволом в грудь Кундере, под сердце. Бареш сморщился и отвернулся. Пан Петер спустил курок. Выстрел оказался совсем тихим, по салону поплыл запах горелого пороха.

Бареш повалил уже мертвого Кундеру на бок, втиснул его между сидениями. Вытащил из-под себя мятую тряпку, прикрыл тело. Выскочив из салона, пересел на водительское место. Через несколько секунд машина тронулась, исчезла за поворотом узкого переуллка в пелене дождя.

Глава первая

Москва, Симоновская набережная. 27 сентября

Валерий Колчин проснулся без пяти шесть утра. Он перевернулся на спину, посмотрел на женщину, лежавшую рядом. Женщина натянула легкое одеяло до самого подбородка и беззвучно зашевелила губами. Рыжие до плеч волосы разлетелись по подушке, густой южный загар скрывал веснушки на щеках и носу. Колчин перевел взгляд на настенные часы, издающие странные скребущие звуки, похожие на мышиную возню. Зевнул, неслышно встал с кровати, поднял с пола трусы.

Натянув белье, просунул руки в рукава спортивной куртки, беззвучными кошачьими шагами прокрался в коридор, едва не споткнувшись о пустую бутылку из-под шампанского, оставленную вчера вечером на полу. Колчин нашел женскую сумочку на зеркале, где вчера вечером ее оставила Надя. Расстегнув клапан, запустил руку внутрь, вынул из сумочки записную книжку. Прошел из прихожей в гостиную, сел в кресло, принялся неторопливо страница за страницей переворачивать листки.

Колчин обладал абсолютной памятью.

Через три минуты он закончил просмотр записей, вернулся в прихожую, опустил книжку в сумочку.

Он прошел в ванну, рассмотрел в зеркале собственную физиономию. Темные густые волосы отросли, закрывали уши и лоб, усы напоздали на верхнюю губу. Он умылся, размазал по лицу пену и начал скрести подбородок безопасной бритвой.

Так уж сложилось, что Колчин долго не виделся с Надей. Сперва он был в командировке, потом пара свиданий, и Надя отбыла в отпуск в Ялту. Сейчас Колчин испытывал болезненные уколы ревности. За месяц в книжке прибавилось три мужских имени, которых там прежде не было.

Ну, какой-то там Павел Иванович из Геленжика не в счет. Наверняка это лишь скоротечное курортное знакомство. Угостил человек женщину стаканом красного и порцией шашлыка – и всех дел. А вот загадочный Володя и некто Сергей Кузьмин, это еще что за персонажи? Не мешало бы выяснить их личности. В конце концов, кадровому разведчику далеко не безразлично, с кем встречается в свободное время его женщина.

Покончив с бритьем, он вернулся в спальню и, нагнувшись над кроватью, потормошил женщину за плечо.

– Пора вставать. Надя...

Женщина приподнялась, посмотрела на часы, снова уронила голову на подушку, выше подтянула одеяло.

– Еще рано, – ответила она.

– Мне через час с четвертью уезжать, – ответил Колчин.

Надя проснулась, снизу вверх посмотрела на Колчина и тяжело вздохнула.

– Все-таки ты свинья. Если бы вчера сказал, что нужно подниматься в такую рань... Если бы сказал, я бы к тебе ни за что не приехала.

– Поэтому я и не сказал, – ответил Колчин.

Колчин вытащил из шкафа полупустую спортивную сумку, в которой лежала только смена белья, тренировочные брюки, кроссовки и пара рубашек. Вернулся в ванную, сложил в боковой карман крем для бритья, зубную щетку и еще кое-какую мелочь. Затем прошел по коридору в гостиную, через приоткрытую дверь спальни, заметив, что Надя уже поднялась, оделась и теперь застилает постель. Валерий вышел на балкон, достал из кармана куртки сигареты.

Отсюда, с высоты последнего девятого этажа была видна панорама утреннего города. Солнце поднималось из-за дальних домов, над которыми торчал шпиль Московского университета, бесцветное небо наливалось прозрачной синевой. Бабье лето загибалось на глазах, уже тянуло осенней прохладой, первыми ночными заморозками. Но деревья внизу были еще свежие, зеленые. Только молодой клен уже раскрасился в красно-желтые тона.

Колчин подумал, что вернется из командировки, когда в Москве наступит поздняя гнилая осень. А завтра улетать... Хорошо хоть вчера он успел отправить матери посылку, вложить в нее письмо в несколько строк. Живу хорошо, работаю и, ну, и так далее.

Последние полтора месяца он находился в резерве Службы внешней разведки. В начале августа он выполнил очередное задание и вернулся в Москву из Западной Европы окольными путями через Ближний Восток. В тот раз все прошло не слишком гладко, а могло кончиться плохо, совсем плохо. Длительным тюремным сроком или пулей. Но Колчин избежал тюрьмы, остался цел и невредим. Что будет на этот раз, лучше не загадывать из суеверных соображений. Вчера допоздна его продержали в комплексе зданий внешней разведки. Инструктаж продолжался семь часов с тремя перерывами по четверть часа. Пришлось запомнить и переварить целую гору полезной информации, которую нельзя доверить бумаге: каналы связи, места тайников, явки...

Предстоит срочно вылетать в Чехию. Кажется, там заваривалась крутая каша.

Четыре месяца назад в Праге бесследно исчез связник, работавший с нелегальной резидентурой. Связник человек надежный, проверенный годами работы на Москву, его репутация не вызывает сомнений. Поиски связника не дали результата. Но на этом неприятности не кончились.

Несколько дней назад в пригороде чешской столицы обнаружен труп Кундеры, агента, проработавшего на русскую разведку долгих семнадцать лет. Перед смертью Кундера успел отправить своему связнику письмо и положить в тайник кодированное сообщение. Кундера предупреждал центр, что список нелегалов, состоящий из двадцати двух имен, находится в руках некоего Петера, который в свою очередь связан с бывшим работником министерства иностранных дел Барешем.

Эти люди ведут поиск контактов с иностранными разведками. Под угрозой провала агентурная сеть. Начальство в Москве пока окончательно не решило, как следует действовать группе, в которую войдет Колчин: сразу же провести силовую акцию или для начала сделать попытку выкупить список у продавцов. Но, как понял Колчин, руководство СВР больше склонялись к последнему варианту. Так или иначе, все детали операции он узнает уже на месте, в Праге. Там же будет окончательно сформулировано разведывательное задание.

Через час с небольшим подъедет черная «Волга» с затемненными стеклами. Сегодняшний день Колчину предстоит провести в разведшколе в одном из районов Московской области, пройти тест на полиграфе, получить документы на имя гражданина Польши, ему даже выдадут новую одежду, купленную где-нибудь в Варшаве, полный комплект, вплоть до трусов, плюс чемодан со шмотками. Завтрашним утром из разведшколы его доставят в Шереметьево, на рейс до Софии. В Болгарии Колчин снова сменит шкуру, получит новые бумаги, новое имя, одежду, билет на самолет до Праги.

Он выбросил окурок, закрыл балконную дверь, прошел на кухню. Надя успела заварить кофе и сделать пару бутербродов. Колчин присел к столу, стал перемалывать зубами хлеб пятидневной выпечки и сухую колбасу.

– Ты что опять собрался в командировку?

Надя была убеждена в том, что Колчина несправедливо зажимают на службе, не дают расти, как мальчика гоняют в дальние командировки. Колчин подыгрывал ей, вжившись в роль простодушного честного парня. Он беспомощно развел руками, закатил вверх глаза, дескать,

я человек маленький, себе не хозяин, а мои командировки – воля начальства. Сказать всю правду, даже десятую, сотую долю этой правды, он не имел права, а врать сегодняшним утром почему-то не хотелось.

Надя размешивала кофе, барабаня ложечкой по стенкам чашки. Верный признак того, что женское раздражение зашкаливает.

– Между прочим, это уже третья командировка за год. Или уже четвертая? Почему ты не можешь поставить вопрос перед своим руководством? Ты, как всякий человек, имеешь право на личную жизнь.

Колчин неопределенно пожал плечами.

– Я ведь не какая-нибудь шишка, чтобы ставить вопросы, я рядовой инженер. И личная жизнь подождет, – он сделал глоток из чашки.

В этот раз Надя перестаралась, кофе получился слишком крепкий, горчил.

– Ты так считаешь? Подождет личная жизнь? Ну-ну...

– Вообще не хочу обострять отношения. Возможно, через год меня повысят... Сделают заместителем главного инженера, оклад прибавят. Затевать базар не время.

– Возможно, меня повысят, – передразнила Надя. – Повышают людей волевых, с характером. А ты боишься начальству слово сказать. Ты такой робкий, зажатый, безответный. Вообще – размазня.

Фирма по оптовой продаже компьютеров, установке программного обеспечения и обслуживанию сетей, где Колчин числился инженером, действительно существовала, ее координаты можно найти в городском телефонном справочнике. И если бы Надя сегодня же захотела проверить слова своего любовника, позвонила ему на службу, то убедилась, что все без обмана. Инженер Колчин действительно вылетел в город Новоалтайск, что под Барнаулом, будет работать там две, возможно, три недели.

Компьютерная фирма была подставной, служила для прикрытия некоторых заграничных операций, в которых участвовали кадровые разведчики. Ее создали еще в те времена, когда служба внешней разведки не выделилась в самостоятельное формирование, а являлось структурной единицей КГБ, точнее, его Первым Главным управлением (ПГУ). – И куда же едешь на этот раз?

Колчин понял, что одной мимикой не отделаешься, нужно отвечать что-то связное, дельное.

– В Новоалтайск. Летом заключили договор о поставке компьютеров и оргтехники на одно предприятие. Теперь у них возникли проблемы с сетями. Короче, рутина. Шеф снова берет меня с собой. Надеюсь, что наша фирма на этот раз зашибет хорошие деньги. Мне премию выпишут.

– Не сомневаюсь, выпишут, – продолжила мысль Надя. – И ты, наконец, сможешь купить себе пару носовых платков, носки и мороженое.

Зеленые глаза Нади сделались злыми, темными, она откинула назад прядь золотых волос.

– Ты хочешь, чтобы я окончательно разочаровалась в тебе? Поверила в то, что ты законченный неудачник?

– Не хочу, – честно признался Колчин.

Он подумал, что большинство рыжих женщин природа наделила иронией и чувством юмора. В представлении Нади в то время, когда начальство Колчина якобы ездило по заграницам, его отправляли то в Урюпинск, то в Актюбинск, то еще куда-то, далеко-далеко, к черту на рога. Где он сидел неделями, налаживая какие-то компьютерные сети, что-то чинил. Колчин пахал, как проклятый, света белого не видел, получал гроши, но патологически боялся начать разговор о своем повышении, которое давно заслужил. Допив кофе, Надя выместила свое раздражение на чашках, бросила их в мойку, едва не расколов.

– Ты специалист по компьютерам, но в твоей квартире нет и не было компьютера. Это как-то подозрительно.

– Ну, дома я стараюсь отдыхать от таких вещей, – Колчин быстро уставал от вранья. – От компьютеров и всей этой электронной лабуды. Надя вышла в прихожую, надела туфли и повесила сумочку на плечо.

– Ты хоть позвонишь мне из своего Новоалтайска?

– Разумеется, конечно, – улыбнулся Колчин. – Обязательно позвоню. Ну, если будет такая возможность.

Через минуту она ушла, оставив после себя легкий запах духов и помадный поцелуй на щеке Колчина. Еще через десять минут он спустился к подъезду, сел в подъехавшую машину.

Подмосковье, разведывательная школа Службы внешней разведки. 27 сентября.

«Волга» остановилась у контрольно-пропускного пункта, перед металлическими воротами и глухим трехметровым забором, поверху которого протянули колючку, спираль Бруно, а по проволоке пустили ток высокого напряжения. Появившийся из кирпичной будки вышколенный капитан, сопровождаемый двумя автоматчиками и огромной овчаркой, внимательно проверил документы водителя и пассажира, заглянул в салон, затем приказал открыть багажник машины. Наконец, еще раз сличив лица водителя и пассажира с фотографиями на документах, вернул удостоверения их хозяевам, махнул рукой. Загудел мотор, закрутились приводные цепи, створки ворот задрожали и разошлись в стороны. Машина въехала на асфальтированную аллею, с обеих сторон обсаженную старыми березами и молодыми, померзшими в прошлую зиму голубыми елями.

Территория школы занимала обширную территорию почти в два десятка гектаров. Если бы сюда попал человек непосвященный, далекий от разведки, что исключено в принципе, то, скорее всего, решил, что находится в детском летнем лагере или в пансионате для взрослых. Подстриженные кусты, дорожки, выложенные плитами из искусственного камня, декоративные фонарики, сияющие свежей краской пустые скамейки. Много зелени, в которой прячутся небольшие одноэтажные корпуса, сложенные из силикатного кирпича и крытые железом. Вот только одна странность: вокруг не встретишь ни взрослых, ни детей.

Учащимся разведшколы, инструкторам и руководящему составу в дневное время предписано передвигаться не поверху, а по подземным коридорам, соединяющим друг с другом все постройки. Причем учащиеся ходили группами по два-три человека, по расписанию и с таким расчетом, чтобы маршрут следования был пуст, одна группа не встречалась с другой. Курсанты не должны знать друг друга в лицо – это простая и эффективная мера безопасности. Если по ту сторону границы среди разведчиков вдруг обнаружится предатель, он не сможет оптом заложить бывших коллег, опознав многих русских шпионов по фотографиям.

Обилие зелени тоже не случайно, деревья – хорошая маскировка. Место нахождения школы известно на Западе. Спутники шпионы, оснащенные самой современной электроникой и оптикой, фотографируют этот участок земли сто, тысячу раз на день. Сверху, из космоса, можно увидеть спичечный коробок, лежащий на человеческой ладонке. А по числу находящихся на территории школы людей аналитической службе того же ЦРУ легко судить об активности русской разведки в данное время.

«Волга» остановилась возле единственного здания в два этажа. Колчин вышел из машины, втянул в себя сладкий запах прелой листвы и грибов, шагнул под козырек, предъявил удостоверение двум дежурным офицерам. Один из них отдал Колчину честь, попросил следовать за ним. Поднялись на второй этаж, прошли по длинному пустому коридору, лейтенант остановился перед дверью с номером двадцать восемь, повернул ключ, пропустил гостя в комнату. Оставив ключ в замке, пошел обратной дорогой.

Колчин шагнул через порог, бросил сумку на зеркальный столик. Прошел в комнату, скинул пиджак. Упав спиной на диван, застеленный клетчатым шерстяным пледом, положил ноги на подлокотник и стал разглядывать потолок.

Он чувствовал себя, как дома, потому что за последние четыре с половиной года в общей сложности прожил в этом номере добрых три недели. Все здесь просто и уютно, как в гостинице какого-нибудь провинциального русского городка, только клопы не кусают и тараканы не бегают. Вскоре в комнату вошел человек в гражданском костюме, объявил, что Колчина ждут внизу.

Спустились в лифте на нулевой этаж. Колчин, отстав от своего провожатого на пару шагов, брел по широкой подземной галерее, разглядывал расходящиеся в стороны коридоры, стрелки указателей и читал аршинные надписи на стенах: «Сектор В», «Стрельбище», «Сектор Д», «Жилая зона». Галерея была широкой, в разведшколе ее прозвали проспектом, потому что здесь запросто разъедутся два легковых автомобиля. Неоновые лампы гудели под потолком, их рассеянный свет окрашивал человеческие лица в мертвенно белые цвета, заставляя живущих вспомнить о неизбежном конце.

Свернули в правый коридор, прошли два десятка метров и остановились перед дверью лифта, забранной решеткой. Тесная кабинка поползла вверх. На поверхности размещалось типовое одноэтажное здание с длинными рядами закрытых дверей по обе стороны коридора.

Через несколько секунд Колчин оказался в комнате, с пола и чуть не до потолка заставленной приборами, посередине стояло анатомическое кресло, какие можно увидеть в платных зубоврачебных кабинетах. Максим Сергеевич Озеров седой человек миниатюрного сложения, занимавший должность начальника шестой лаборатории, потряс руку Колчина как старого доброго знакомого и, на этом покончил с церемониями, приказал посетителю раздеться до пояса и сесть в кресло.

Колчин скинул одежду. Молодой ассистент в белом медицинском халате наклеил на его тело кругляши датчиков.

Тестирование на детекторе лжи, проще говоря, на полиграфе, разведчик должен проходить перед каждой ответственной командировкой. С какой целью – Колчин мог только догадываться. Но он точно знал, что результаты тестирования и выводы Озерова через два-три часа лягут на стол руководства Службы внешней разведки. Если что не так, в последний момент Колчина могут снять с операции. Детектор лжи контролировал многие параметры жизнедеятельности человека: отделение слюны, тембр и частоту голоса, мышечные сокращения, сердцебиение, дыхание, верхнее и нижнее давление, потовыделение. Компьютер анализирует данные, выдает свое заключение, часто не утешительное для разведчика. Но окончательный итог тестирования подводит начальник шестой лаборатории.

Озеров спросил ассистента, готов ли тот к работе. Получив утвердительный ответ, нацепил на нос очки, взял в руки папку с вопросами, перевернул страницу и обратился к сидящему в кресле Колчину, облепленному датчиками и проводами.

– Начнем с разминки, отвечайте только «да» или «нет». Сейчас постарайтесь быть искренним. Долго не задумывайтесь над вопросом. Отвечайте на вопрос сразу, как только его поняли. Итак, начнем. Есть ли у вас привычка грызть ногти или кончик ручки?

– Нет.

– Бывает ли так, что какая-то мысль овладевает вашим сознанием на несколько дней?

– Да.

Озеров задал десятка четыре простых вопросов, отступил в сторону и стал изучать вылезшую из нутра машины широкую бумажную ленту, исчерканную самописцами. – Хорошо. А теперь вам нужно соврать, – сказал Озеров. – Вопрос: Оплачиваете ли вы свои долги, если имеете такую возможность?

– Нет.

– Плохо. Попробуем еще раз. Другой вопрос: Предпочитаете ли вы играть пассивную роль в той группе, в которой в данный момент работаете?

– Да.

– Плохо, Валера, плохо. Пил вчера?

– Только стакан шампанского.

– Ну, один стакан не в счет. Ты потеешь. Постарайся сосредоточиться. Что, волнуешься?

Итак, вопрос: Вы менее разговорчивы, чем ваши знакомые?

– Нет.

– Уже лучше, – Озеров позволил себе улыбку. – Дальше я задам тебе приблизительно триста вопросов, которые иногда дублируют один другой. Вопрос – и я щелкаю пальцами. Два щелчка – ты говоришь правду. Один щелчок – ты должен соврать. Тебе придется обманывать полиграф. Ясно?

– Так точно.

– Начнем. Будьте внимательны. Раздражают ли вас дети? – Озеров щелкнул пальцем один раз.

– Нет. – Валера, соображайте головой, – Озеров тяжело вздохнул. – Контролируйте процесс мышления. У обычного человека масса мозга составляет пять процентов от общего веса. Поэтому подавляющее большинство людей думает головой не всегда, а лишь изредка, время от времени. Но разведчик тем и отличается от прочих, что должен думать головой, а не этим местом.

Озеров в сердцах похлопал себя ладонью ниже спины.

– Вопрос. Станете ли вы убивать животное, чтобы избавить его от боли? – два щелчка пальцами.

– Да.

– Бывают ли у вас приступы грусти без видимой причины? – два щелчка.

– Нет.

– Правда ли, что на свете всего несколько людей, которых вы любите по-настоящему? – один щелчок.

– Нет.

– Часто ли вы решаете действовать, если чувства осторожности и здравого смысла говорят об обратном? – два щелчка.

– Да.

Озеров задал первую сотню вопросов и объявил перерыв на десять минут и стал внимательно разглядывать каракули самописцев на бумажной ленте.

Колчин, расслабившись, сидел в кресле, смотрел в потолок и думал о том, что есть несколько верных способов обмануть полиграф. Хорошо бы для начала вообразить, что человек, задающий вопросы, разговаривает не с тобой, а с кем-то посторонним. Тогда, выслушав вопрос, на который следует ответить утвердительно, нужно выждать мгновение, задать самому себе другой вопрос с положительным ответом. Полиграф спрашивает: «Вы когда-нибудь продавали родину?» Нужно ответить «нет».

Тогда ты спрашиваешь себя: «Тебе нравится твой отчим, законченный идиот и алкоголик?» Четное «нет» засчитывается машиной, как правдивый ответ. Если следует ответить «да», задавай себе другой вопрос: «Ты любишь свою маму, больную и старенькую?» В арсенале разведчиков есть и другие приемы.

Человек, владеющий собой, может справиться с машиной. Это непросто, это трудно, все равно, что поймать зубами летящий нож. Впрочем, и тут все зависит от тренировки.

Тестирование закончилось почти через два часа. Все тот же офицер в штатском, все тем же тем маршрутом довел Колчина до его комнаты и велел отдыхать.

Потянулось тягостное ожидание. Колчин, не придумав никакого занятия, изводил себя бездельем. Валялся на диване, пробовал читать, но не смог сосредоточиться, включил телевизор, но не нашел в ящике ничего интересного. Колчин разложил диван, лег и отвернулся к белой стене.

Он думал, что в эти часы и минуты Озеров уже закончил расшифровку бумажной ленты, написал свое обширное заключение, бумаги отправились наверх, к тем людям, кто решит, поставить ли Колчина на задание или снять с него. Ровно в два часа раздался стук в дверь. Колчин, уже подготовивший себя к худшему, сел на диване. Напрасно беспокоился. Официантка в белом фартуке вкатила в номер тележку, нагруженную тарелками, пожелала постояльцу приятного аппетита и удалилась.

Колчин подумал, что все люди, работающие в разведшколе, имеют воинские звания. У официантки есть шанс к старости дослужиться до младшего лейтенанта.

В половине четвертого появился знакомый тип в штатском.

– Вставай, мученик, – сказал офицер. – Пойдем в секретную часть.

Колчин вскочил с дивана, сорвал пиджак со спинки стула, сунул ноги в начищенные ботинки. Вызывают в секретную часть. Значит, он прошел тестирование, его ставят на задание.

Секретная часть это большая комната на нулевом этаже. От коридора ее отделяет два предбанника, каждый из которых имеет двойную дверь. Стены, пол и потолок комнаты обшиты специальными звукопоглощающими панелями, которые можно встретить в радиостудиях, здесь нет компьютеров, телефонов, факсов. Эти простые меры безопасности позволяют исключить любую утечку информации. Кроме того, в секретную часть могли попасть только лица, имеющие высшую категорию допуска. За спиной Колчина закрылась дверь, он сделал несколько шагов вперед, остановился, переминаясь с ноги на ногу.

Посередине комнаты стоял большой прямоугольный стол, за которым сидел старый знакомый генерал Юрий Федорович Антипов. Полный человек простецкого вида с округлившимся животом, толстой шеей и красным носом законченного пьяницы, испещренным склеротическими прожилками. На генерале был мешковатый гражданский костюм. К пиджаку прилипли хлебные крошки, а на левом лацкане красовалось пятно от томатного соуса, видимо, следы недавнего обеда. Светлая сорочка в мелкую клеточку казалась несвежей.

– Проходи, – махнул рукой Антипов. – Присаживайся.

По правую руку от генерала сидел молодежавый мужчина с прилизанными волосами, зачесанными с висков на макушку, чтобы замаскировать раннюю лысину. На мужчине хорошо сидел модный пиджак на трех пуговицах, яркий галстук украшала золотая заколка с красным эмалевым паучком.

Генерал потушил в пепельнице скуренную по самый фильтр сигарету, встал, через стол подал руку Колчину. Незнакомый мужчина тоже поднялся, пахнуло дорогим французским одеколоном. Поздоровался за руку, представился: подполковник Беляев Сергей Владимирович. Этого человека Колчин прежде не встречал, с первого же взгляда мужчина вызвал неосознанную безотчетную антипатию.

Колчин подумал, что Беляев примерно одних с ним лет, а уже подполковник. Наверняка штабной работник, бумажная душа, никогда не принимал участие в реальных делах, но долго терся возле начальства и вот привалило счастье: дослужился до внеочередного звания. Эта мгновенно вспыхнувшая неприязнь, кажется, оказалась взаимной.

Колчин устроился на стуле напротив генерала. Антипов, начиная разговор, повесил на губу новую сигарету.

– Курировать группу из Москвы буду я, лично. Операции присвоено кодовое название, – Антипов выдохнул дым и закашлялся. – Название – «Холодный фронт». Что-то такое из сводок погоды, да? Кстати, это моя инициатива поставить тебя на операцию. Так что, с тебя бутылка.

Колчин не улыбнулся остроте Антипова.

– Без вопросов. Семизвездочный коньяк.

– Не слышал о таком. Вчера тебя познакомили с легендой. По документам ты бизнесмен из Болгарии. Приехал в Прагу на выставку сельскохозяйственных производителей, которая открывается там через три дня. Ты ищешь выгодные контракты, хочешь продать в Чехии мелкие партии консервированной кукурузы и горошка. Короче, ты мелкая сошка. Поэтому веди себя сообразно своему статусу и трать денег столько, сколько может потратить человек твоего положения. Теперь о главном. Твой непосредственный руководитель на месте, резидент группы...

Антипов согнул указательный палец, подавая знак Беляеву. Тот раскрыл папку, вытащил и разложил перед Колчиным несколько цветных и черно-белых фотографий. На снимках был запечатлен мужчина лет сорока пяти, с правильными приятными чертами лица. Волосы темные, на висках проседь.

– Донцов Алексей Степанович, он же Майкл Ричардсон, торговец скобяными изделиями из Лондона. Он прибудет в Прагу на два-три дня позже тебя. Продавцы материалов хотели выйти на англичан или немцев. Что ж, пусть будет так, как они желают.

Беляев сгреб фотографии, убрал их в конверт, вытащил из другой папки следующую серию фотографий, разложил их на столе. Со снимка на Колчина смотрел худой горбоносый мужчина лет тридцати пяти с длинными засаленными волосами.

– Это Анри Буфо, – пояснил Антипов. – Живет в Париже, держит конспиративную квартиру и работает под свободного художника. Человек он экстравагантный, анархических убеждений. Такие люди не всем нравятся. Но Буфо – проверенный надежный агент. Донцова и Буфо ты должен вывести на продавцов материала. Они возьмут на себя денежные счета. Твоя задача – разведка. Плюс к тому ты обеспечиваешь силовое прикрытие. Окончательный план операции вы получите за два-три дня до дела. Запомнил?

– Запомнил.

– Теперь еще один человек, который будет тебе серьезно помогать. Вы уже работали вместе.

Антипов взял из рук Беляева и положил на стол пару снимков. С фотографий на Колчина смотрел невыразительный среднего роста мужчина в синей ветровке и серых брюках. Короткая стрижка, аккуратные седые усики и бородка клинышком. Похож на провинциального учителя.

– Ярослав Пачек, в рекомендациях не нуждается, – Антипов продиктовал шестизначный телефонный номер. – Со времени вашей последней встречи Пачек сменил адрес. Звони по этому телефону в любое время дня или ночи. Спрашивай господина Карела. Пачек ответит, что вы ошиблись номером. Звонок – это сигнал, через полчаса Пачек будет ждать тебя у входа в почтовый музей в районе Смихова. Где увидите в следующий раз, договоритесь при очной встрече. Пачек должен достать все, что тебе понадобится. Оборудование для скрытого наблюдения, оружие и прочее. К активному участию в операции его можно смело привлекать. Уяснил?

– Уяснил, – кивнул Колчин.

– Когда список нелегалов окажется у нас...

Антипов оборвал себя на полуслове, прикурил новую сигарету и кивнул на подполковника.

– Теперь пусть он расскажет.

Беляев потер пальцами безупречно выбритый подбородок. – Информация – специфический товар, – Беляев говорил тихим бесцветным голосом. – Это не табуретки, не автомобили и не дома. Парадокс в том, что человек, торгующий информацией, в нашем случае списком нелегалов, продает товар и... И вместе с тем оставляет его себе. Понимаете о чем я?

– Стараюсь понять, – отозвался Колчин.

– Оставляет информацию себе и может снова торговать тем же товаром. На этом парадоксе строится работа двойных и тройных агентов, обслуживающих сразу несколько разведок. Предположим, сделка заключена, деньги перешли к продавцам, список у нас. Но нельзя быть уверенным, что мы единственные покупатели. До тех пор...

Беляев перевернул стакан, налил из бутылки минеральной воды, сделал несколько мелких глотков, выдержав паузу, и продолжил: – До тех пор, пока в отношении продавцов не проведена исполнительная акция. Это грязная работа, но выполнить ее придется. Разумеется, после того, как список нелегалов окажется в наших руках.

– Детали вы обсудите позже, – встрял Антипов. – Но сначала я хочу сказать одну важную вещь. Кундера успел сообщить, что в списке двадцать два имени. Так вот, дело крайне ответственное. Если накроется наша агентурная сеть, мы не сможем восстановить ее в обозримом будущем. От таких ударов долго не оправившись. На западе используют этот факт на всю катушку. Нагонят страстей, раздуют такую компанию, такую вонь поднимут... Короче, ты понимаешь.

– Понимаю, – ответил Колчин.

– Разведчики нелегалы отдали нашей разведке свои лучшие годы, – продолжил Антипов. – Они рисковали, вели двойную жизнь, работали без дипломатического прикрытия, без страховки. Если нелегал попадает за решетку, спецслужбы, на которые он работал, открещиваются: это не наш. Такова всемирная практика. Наши агенты искренне полагали, что действуют на благо своей же страны. Это достойные люди, многие из которых уже пенсионеры. Теперь их жизням угрожает опасность. Я не люблю высоких слов, но... Короче, наш святой долг защитить своих людей в трудную минуту. Любыми средствами.

Антипов молчал пару минут и, наконец, повторил свои последние слова.

– Наш святой долг.

Глава вторая

Москва, Ясенево, штаб-квартира Службы внешней разведки. 28 сентября

Вечернее совещание, на котором собрались пять мужчин в гражданских костюмах – все руководство «европейским» управлением Службы внешней разведки, было целиком посвящено последним событиям в Праге. С докладом выступил куратор операции «Холодный фронт» генерал Антипов. Выключили верхний свет, деревянные панели, закрывавшие дальнюю стену, раздвинулись в стороны, обнажив большой белый экран.

В наступившей тишине кто-то покашливал, передвигал стулья, устраиваясь так, чтобы голова сидящего рядом человека не заслоняла экрана. Защелкал демонстрационный аппарат, загруженный слайдами. На экране, сменяя одна другую, появились фотографии людей, домов, автомобилей. Свет отражался от экрана, попадал на лицо и плотную фигуру Антипова. Генерал поднимал деревянную указку, направляя на экран, объяснял, что изображено на фотоснимке, затем выдавал пространный комментарий.

– Это Юрай Хорличек, чех по национальности, псевдоним Странник. Самый опытный связник, задействованный на постоянной основе в Праге. Вернее, был задействован.

Антипов направил указку на экран. На фоне безлюдной улицы, опираясь на трость и сутуля спину, стоял высокий, сухопарый человек. Серый костюм болтался на худых плечах, ветер трепал длинные пегие волосы. Затем собравшиеся увидели фотографии квартиры Странника, две его автомашины, жену, с которой тот развелся три года назад, сына, судя по жуликоватым глазам, законченного негодяя. Антипов сказал, что исчезновение Странника обнаружилось двадцать пятого мая, в тот день, когда он должен был встретиться с агентом нелегалом и получить от него письменное сообщение.

Встречу назначили в постоянном месте, пивном ресторане «У святого Томаша», где собираются любители браницкого темного пива. Но Странник не явился на встречу, агент проторчал в ресторане до позднего вечера и ушел, ни с чем.

Поисками Юрая Хорличика один из агентов смог заняться через неделю. Связник жил один в новой двухкомнатной квартире рядом со стадионом имени Рошицкого. На телефонные звонки, стук в дверь никто не отзывался. Однако в полицию об исчезновении отца не заявил ни взрослый сын Хорличека, ни его бывшая супруга, с которой после развода тот поддерживал добрые отношения. В городские морги и больницы человек с таким именем не поступал.

В Москве возникло предположение, что с Хорличеком, часто не носившим с собой документов, произошел несчастный случай или сердечный приступ. Возможно, он находится в бессознательном состоянии, и врачи до поры до времени не могут выяснить личность пациента, борются за его жизнь.

Пришлось принимать меры.

Агент, работающий под прикрытием русского торгпредства, получил задание провести в квартире связника негласный обыск и уничтожить на месте все улики, способные скомпрометировать Хорличека перед контрразведкой. Воспользовавшись набором отмычек, агент проник в квартиру ночью, вскрыл два тайника, уничтожил записи Странника, шифр-блокноты, проверил компьютер, не нашел ничего интересного, но на всякий случай стер всю память. Затем вынес из квартиры портативный радиопередатчик и еще кое-какие мелочи. Агент также обыскал обе машины Хорличека, которые стоят в подземном гараже дома, где тот проживал.

Судя по его донесению, обстановка в квартире Хорличека не нарушена. Холодильник работает, на веревках в ванной и на балконе развешено пересохшее стираное белье. Впечатление такое, будто хозяин вышел в киоск за сигаретами и вот-вот вернется. Однако есть серьезные подозрения, что кто-то опередил нашего человека, побывал в квартире до него, обнаружил один из тайников. Кое-каких вещей агент не нашел на месте.

Речь идет о шифр-книге, замаскированной под посылочный каталог. Бумага, на которой эта книга напечатана, изготовлена из химических веществ с примесью нитроцеллюлозы с той целью, чтобы агент в случае опасности мог сжечь опасную улику всего за несколько секунд. Это довольно толстая брошюра, где напечатаны наименования товаров, которые якобы можно заказать по почте, их цены. На самом деле посылочной фирмы в природе не существует. Цены на товары – это шифры, которыми пользовался Хорличек для передачи своих сообщений в Москву, где послания превращали в открытый текст. Хорличек обычной ручкой подчеркивал цифры в каталоге, передавал каталог курьеру, который доставлял почту в Россию.

Сын и бывшая жена Хорличека забили тревогу только спустя полтора месяца после его исчезновения. Однако поиски, предпринятые полицией, оказались безуспешными. В Москве продолжали ждать, надеясь, что Странник все же появится, но надежды таяли день ото дня. Худшие опасения подтвердились через два месяца. На экран вывели фотографию мертвого человека с лицом, обезображенным до неузнаваемости. Антипов пояснил, что несколько снимков неопознанного трупа, найденного в песчаном карьере в пригороде Праги, удалось раздобыть через человека, связанного с тамошней криминальной полицией.

Бывшая жена и сын Хорличека опознали труп по небольшой татуировке, оставшейся с армии. На левом плече наколота женщина, летящая на ангельских крыльях. Видимо, Странника жестоко пытали перед смертью, выбивали из него информацию: тяжелым предметом ему раздробили кисти рук и коленные суставы. Прикончили выстрелом в затылок. Стреляли в упор, на месте входного отверстия остался пороховой ожог.

Уже после смерти Хорличека ему изуродовали лицо. Возможно, для того, чтобы тело не смогли опознать.

Полиция пришла к выводу, что пожилой человек стал жертвой банды грабителей. И это лишь на том основании, что при нем не было найдено ни бумажника, ни денег. Гибель Хорличека порождает множество вопросов и версий. Возможно, со Странником поработали чешские или западные спецслужбы, а затем замаскировали свои действия под ограбление и корыстное убийство. Маловероятно, чтобы Хорличека действительно убили грабители, Странник не производил впечатления обеспеченного человека.

Время от времени из темноты до Антипова доносились реплики или вопросы людей, сидевших за совещательным столом. Генерал Антипов останавливал рассказ, вынимал из кармана платок, вытирал лоб. Выслушав вопрос, подробнее разъяснял суть дела. Лиц сидящих за столом людей генерал не видел, но узнавал начальство по голосам.

История с Хорличеком имела продолжение.

Один из наших агентов, работающий под дипломатической крышей, сообщил, что на пленку был записан отрывок разговора между неким мужчиной, судя по говору, чехом по национальности, и помощником американского военного атташе Крисом Коэном, кадровым разведчиком. Беседа происходила на празднике в польском посольстве, точнее в летнем саду, там по случаю национального праздника собралась куча народа, пригласили дипломатов из разных стран, аккредитованных в Праге, сотрудников чешского МИДа и еще бог знает кого.

Так вот, чех, уединившись с Коэном в дальнем уголке сада, сообщил, что он располагает списком русских агентов нелегалов, работающих в Чехии, а также другими документами, которые заинтересуют американцев. И хочет продать эти ценные сведения. Коэн никак не выразил своего интереса. В самых общих фразах обещал поговорить «с кем надо», предупредил, чтобы чех не пытался с ним встретиться. Сам найдет своего собеседника в ближайшее время и сообщит о результатах переговоров.

Видимо, Коэн, и тот чех некоторое время были знакомы, иначе американец вообще не пошел на контакт, не стал бы вести важный разговор в таком неподходящем месте. Личность чеха установить не удалось. Однако дальнейшие события проливают свет на это темное пятно.

Можно с большой долей уверенности предположить, что продавец, кадриливший американца Козна и Юлиус Бареш, предложивший сотрудничество владельцу сувенирной лавки Мареку Кундере, – одно и то же лицо.

Бареш ждал ответа американцев, но так и не получил приглашения к сотрудничеству. Можно предположить, что американцы усомнились в Бареше, заподозрив в нем двойного агента или сотрудника русской разведки. Они уклонились от контакта с продавцами. Видимо, аналитики ЦРУ пришли к выводу, что списки русских агентов сфабрикованы в Москве, а Бареш хочет скормить им дезинформацию. И тогда последует пропагандистский удар с целью компрометации американских спецслужб. Однако это лишь предположение, достоверной информации нет. Возможно, Бареш просто не умел ждать. Американцы потратили время на то, чтобы навести справки о его личности и, в принципе, готовы пойти на контакт в будущем.

Так или иначе, Бареш и некто Петер, на которого указал в своем кодовом послании Кундера, были вынуждены искать контакт не с американцами, а с англичанами или немцами.

Решили использовать Кундере, за долгие годы в чешском МИДе обросшего обширными связями, словно днище морского корабля ракушками. Без сомнения, торговец сувенирами знал, к кому из английских или немецких дипломатов следует обращаться, чтобы войти в контакт с тамошними спецслужбами. И, главное, Кундера оказался на крючке у Бареша, ведь его имя было в том списке нелегалов и тайных агентов.

Генерал Антипов прервал доклад, ополовинил стакан с водой и продолжил. В последний момент что-то спугнуло продавцов. Возможно, они проследили Кундере, когда тот шел закладывать контейнер с шифровкой, старик жаловался на слабое зрение, запросто мог не заметить слежки. Само послание, спрятанное в тайнике за батареей отопления, Бареш не смог найти, но заподозрил, что Кундера вошел в контакт с русским связником. Возможно, Кундера совершил другой роковой промах... Он исчез в тот же самый день, когда заложил контейнер с шифровкой в тайник и отправил письмо связнику. Антипов сказал, что не хочет накаркать, но шансы, что Кундера найдется живым, мизерны.

В заключении генерал коротко проинформировал собравшихся, что группа пребывает в Прагу и приступает к выполнению операции «Холодный фронт». Первым прилетит Колчин, за ним Анри Буфо и Донцов, он же Майкл Ричардсон. Люди подобраны лично Антиповым, он же несет ответственность за успех или неудачу. Цели и задачи операции сформулированы в письменном виде, бумаги розданы каждому присутствующему.

Он допил воду из стакана и на этом закруглил свое выступление. Зажгли верхний свет, Антипов вернулся на свое место за столом, попросил задавать вопросы.

– Почему мы так долго не могли получить информацию от Кундере? – спросил заместитель начальника Службы внешней разведки, начальник европейского управления Егоров.

– Кундера прекратил активное сотрудничество с нами около двух лет назад, – ответил Антипов. – Поэтому в его распоряжении оставили один единственный канал связи, которым он и воспользовался. Не самый оперативный канал, в Москве получили информацию с небольшой задержкой.

– Понятно, – кивнул Егоров. – Что известно о Бареше?

– Не так уж много, – покачал головой Антипов. – По образованию переводчик. Рабочий язык немецкий, но знает и разговорный английский. Работал в государственных структурах. Хорошее знание языков помогло Барешу получить место переводчика в министерстве иностранных дел. Рассчитывал сделать быструю карьеру, но вынужден был заниматься всякой рутинной, перспективы роста не было. Бареш уволился с государственной службы, посвятил себя торговле подержанными автомобилями. Сведения о контактах Бареша и западных спецслужб отсутствуют. Видимо, настоящий продавец использует Бареша как посредника, пользуется его старыми связями.

Антипов замолчал. Как давно повелось, откашлялся начальник управления кадров Кузьменков.

– Есть замечания по кандидатам, – Кузьменков обвел коллег пристальным взглядом серых, глубоко спрятанных глаз. – Рискованно использовать этого Буфо. Он неуравновешенный человек. И, мягко говоря, не интеллектуал.

– Он хороший стрелок – это главное, – возразил Антипов. – Глубокий аналитический ум в этом деле не требуется. Кузьменков только пожал плечами, мол, я свое мнение высказал. Антипов понял, что возражений по кандидатуре Буфо больше не последует. В эту минуту дверь, ведущая в приемную, открылась, в зал вошел человек в сером штатском костюме, положил перед начальником европейского управления сложенный вдвое бумажный лист, что-то прошептал на ухо Егорову и исчез. Егоров пробежал текст глазами и сказал: – Вчера вечером в пригороде Кладно, это под Прагой, найден труп Кундеры. Огнестрельное ранение в область сердца. Информация только что пришла с дипломатической почтой.

Над столом повисло долгое молчание. Антипов достал из кармана платок и промокнул влажный лоб.

София. 29 сентября

Над софийским аэропортом зависло знойное солнце. Самолет авиакомпании «Балкан» приземлился в столице Болгарии поздним утром. Валерий Колчин сошел с трапа, на контроле предъявил паспорт и желтую бумажку частного приглашения на въезд в страну, оформленную на имя некоего гражданина Польши Ежи Мисировского, следующего транзитом через Россию. Заполнил небольшую анкету, указав в ней цель своего визита: бизнес. Выйдя из здания аэропорта, Колчин, знавший страну и болгарский язык так, будто здесь была его вторая родина, не замедлил шаг возле стоянки такси, а направился к автобусам.

По документам он польский торговец, значит, надо следовать легенде даже в мелочах. Мелкий бизнесмен, тем более поляк, это вам не японец и не американец, которые привыкли бросаться деньгами. Другой менталитет, другое мышление. Поляк никогда, ни при каких обстоятельствах, не потратит двадцать долларов на такси, чтобы добраться из аэропорта в центр города, выгадав при этом каких-то жалких десять минут времени. Он воспользуется автобусом восемьдесят четвертого маршрута.

На остановке собралось два десятка пассажиров, подкатил старенький «Мерседес» на сорок мест, Колчин отдал деньги билетеру и занял заднее кресло, поставив небольшой чемодан на колени. Автобус тронулся, Колчин перевел стрелки часов. Прилетая в столицу Болгарии, выигрываешь время. В Москве уже час дня, а здесь только полдень. Мелочь, а приятно.

Колчин вылез на последней остановке, возле университета, автобусное путешествие отняло менее получаса. Помахивая чемоданом, он прошагал пару кварталов, завернул в итальянский ресторан и проглотил отвратительную, жесткую, как голенище армейского сапога, пиццу, выпил рюмку фруктовой водки и чашку отличного кофе. Он расплатился с официантом, он не пожалел что зашел именно сюда, а не в «Деву Хелиос», ресторан с экзотической болгарской кухней. Там на обед наивному иностранцу запросто принесут сдобренный красным перцем желудок телянка или «черву», заплетенные в косы кишки, отваренные и запеченные.

Кому как, но на вкус Колчина жесткая пицца вкуснее непромытых кишок. Свернув с широкого проспекта на тихую улицу, попетляв по переулкам, Колчин снова выбрался на проспект. Слежки, кажется, не было. Колчин снова сел на автобус, замечая следы, проехал пару остановок. Затем поймал такси и велел водителю ехать в Коньовицу, пообещав хорошо заплатить. Сидевший за рулем пожилой дядька с черным от загара лицом тяжело вздохнул и тронул машину.

Коньовица – трущобный район с дурной репутацией на окраине Софии, там селятся цыгане, падшие женщины, воры и личности, конфликтующие с правосудием. В темное время

желательно обходить цыганские кварталы стороной, если не хочешь остаться без кошелька и с физиономией, порезанной сапожным ножом. Впрочем, без кошелька можно остаться и днем. Даже полицейские не часто отваживались появляться на цыганской территории. И это хорошо.

Не доехав пяти минут до нужного места, Колчин остановил машину на узкой горбатой улице, застроенной двухэтажными хибарами из необожженного кирпича и подручного материала, что жители притащили с городской свалки. Расплатился, вылез из машины и пошел пешком дальше, вверх по улице, кожей чувствуя заинтересованные и неприветливые взгляды мужчин, сидевших в тени домов и чахлах фруктовых деревьев. Над разбитой дорогой висело знойное марево, ветерок, дувший со стороны свалки и асфальтового завода, приносил душливые тошнотворные запахи.

Чумазые ребятишки орала от восторга и бросали камнями в кошку, от страха забравшуюся на самую макушку гнutoго сухого дерева. Кто-то заливисто свистнул вслед хорошо одетому чужаку с чемоданом в руке. Затем послышался смех.

Прошагав полтора квартала, Колчин остановился перед двухэтажным домом, фасад которого недавно кое-как помазали белилами, а заодно уж обновили жестяную вывеску «парикмахерская», косо висевшую над единственной дверью. Дрогнула марля в окне второго этажа, видимо, хозяин Желе Сердииков следил за улицей через занавеску, ожидая гостя.

Шагнув через порог, Колчин очутился прямо в тесном зале парикмахерской и увидел свое отражение в мутном зеркале с поперечной трещинкой, висящим над металлической раковиной. Два кресла, на которых давно не садились посетители, кажется, покрылись слоем вековой пыли. В окно бьются мухи, где-то играет радио.

– Добро пожаловать. Жду.

Колчин повернул голову. На пороге из-за матерчатой занавески появился Желе Сердииков, в знак нескрываемой радости от встречи раздвинул руки в стороны.

Из одежды на нем были только поношенные шорты, не закрывавшие колен, и повязанный на животе и заляпанный цветными пятнами матерчатый фартук. Но на первый взгляд могло показаться, что хозяин парикмахерской надел черную зимнюю шубу. Руки, ноги, ноги, грудь и спина Сердиикова заросли таким густым черным волосом, что, этот волос можно состригать электрической машинкой, словно овечью шерсть. И, пожалуй, машинку испортишь.

Сделав шаг навстречу, Колчин тряхнул ладонь Желе двумя руками, но от горячего поцелуя в губы сумел уклониться. Сердииков обдал гостя крепким духом фруктовой ракии, которая крепче итальянской граппы. Лицо лоснилось от пота, глаза оставались темными и блестящими, как мокрые маслины. По болгарину никогда не поймешь, он сильно пьяный или только пару стопок перехватил.

Да и пить с болгарями дело неблагодарное, они положат на лопатки любого, самого крепкого кандидата.

Хозяин провел гостя на второй этаж, в лучшую в доме, самую просторную комнату, выходящую двумя окнами на двор, захлащенный листьями ржавого железа, почерневшими досками и заросший сорной травой. На заднем плане дымили трубы асфальтового завода.

Комната казалась совсем пустой. Из мебели здесь стоял круглый стол с толстыми гнутыми ножками, тумбочка, на ней вентилятор, и узкая металлическая койка, застеленная свежей простыней. Одну стену украшали несколько застекленных пожелтевших от времени фотографий в самодельных деревянных рамках, на другой стене висела большая картина с нарисованными на ней подсолнухами. Яркая картина на большой голой стене смотрелась нелепо, словно цветная заплата на штанах.

Прежде здесь, на втором этаже, жила мать Желе, психически нездоровая старуха, которая так орала целыми днями напролет, что соседи цыгане всерьез грозились сжечь поганую старуху вместе с парикмахерской.

Колчин никогда не видел бабу, но хорошо помнил ее голос, тонкий, пронзительный, похожий на крик подстреленной вороны. От дикого бабкиного карканья кровь в жилах останавливалась и леденела. Полгода назад старуха умерла. Теперь, после смерти матери, сорока-трехлетний Желе всерьез подумывал о первой женитьбе на одной женщине, которая, по его словам, хоть и вдова, но готовит хорошо.

Желе деликатно удалился и ожидал в коридоре, когда гость переоденется в шорты и майку. Наконец, Колчин вышел из жаркой комнаты.

– Товар привезли? – спросил он.

– Приходил человек, – мигнул глазом хозяин. Спустились на первый этаж, в большую кухню, заставленную самодельной мебелью. Желе поднял люк погреба, проворно сбежал вниз по приставной лесенке, включил свет. Колчин последовал за ним, захлопнул за собой крышку.

Погреб был тесно заставлен полками и стеллажами, на которых стояли бутылки самодельной мастики, водки, по вкусу напоминающей микстуру от кашля. Стены украшали связки красного лука, чеснока и сушеного перца. Посередине стоял круглый голый стол, над которым свисала лампочка без плафона.

Желе встал на корточки, отодвинул от стены ящик с овощами, поднял обрезок доски, достал из тайника большую дорожную сумку. Колчин присел к столу, поставил сумку на колени. Поверх носильных вещей лежал большой желтый конверт. Колчин оторвал бумажную полоску, вытряхнул на стол болгарский паспорт, водительские права, приглашение на выставку сельскохозяйственных производителей и билеты на самолет до Праги. Вылет завтрашним утром.

– Христо Баянов, – пробормотал Колчин, раскрыв паспорт. – Звучит весело. Музыкально.

– Что? – не расслышал Желе.

– Ничего, просто не люблю фамилий, которые начинаются на букву б.

Желе засмеялся.

– На букву б... Нет, это не то, что ты подумал, – сказал Колчин. – Из суеверия не люблю. Одного моего приятеля с похожей фамилией на ту же букву, его... Ладно, не будем вспоминать о грустном.

Год назад Колчин пользовался фамилией Раков, и ничего плохого тогда не случилось. Его не сварили заживо, как варят речных раков. И на этот раз обойдется, потому что человек с веселой фамилией Баянов просто не имеет права умирать насильственной смертью. Фотографии, вклеенные в документы, были сделаны года полтора назад. На них Колчин был без усов, с темными, аккуратно подстриженными волосами.

– Вот так я должен выглядеть.

Колчин сунул бумаги обратно в сумку. Поднялись наверх, через кухню вошли в зал парикмахерской. Колчин занял кресло перед зеркалом. Желе куда-то умчался, вернулся с круглым подносом, на котором стояла литровая бутылка с виноградной ракией и большой тарелкой, полной персиков. Колчину не хотелось пить, но отказаться, значит выказать неуважение к хозяйскому гостеприимству.

Опрокинув стопку, Колчин отдал себя в руки парикмахера. Желе повязал на шее Колчина клеенчатый слюнявчик, который надевают грудничковым детям перед кормлением, вытащил из тумбочки тюбик с краской для волос, ножницы и опасную бритву. Колчин склонился над эмалированной раковиной. Желе взял кувшин, полил на голову теплую воду, надел резиновые перчатки, размазал краску по волосам.

Через сорок минут Колчин превратился в жгучего брюнета, пахнущего лавандовой водой. Разглядывая свое отражение в зеркале, он повертел головой. Лишенное усов лицо выглядело голым, чужим.

– Теперь ты похож на болгарина, – сказал Желе.

– Тебе-то самому нравится то, что ты сделал? – спросил Колчин.

Желе выпятил нижнюю губу и отрицательно покачал головой.

Можно в совершенстве выучить болгарский язык, можно даже научиться понимать болгарскую речь без знания языка и даже без переводчика, особенно если собеседник говорит медленно. Но болгарские жесты, это что-то особенное, совершенно неповторимое. Если вам хотят сказать «нет», кивают головой. Если говорят «да», головой качают. Привыкнуть к этому невозможно, можно только запомнить.

– Отлично выглядишь, – Желе развязал тесемки слюнявчика. – Просто потрясающе.

– Правда?

Желе отрицательно покачал головой.

Глава третья

Прага. 30 сентября

Город встретил болгарского гостя неприветливо: мелким дождиком и пронзительным северным ветром. Здание Рузиньского аэропорта, облицованное стеклом и пластиком, и, тем не менее, имеющее провинциальный доисторический облик, изнутри казалось совсем маленьким. Колчин знал, что за ним наблюдают, встретить его в аэропорту должен кто-то из посольских работников. Повесив большую дорожную сумку на плечо, Колчин проследовал вдоль зала ожидания, задержался у киоска с прохладительными напитками, но ничего не купил.

На ходу достал из внутреннего кармана четверо свернутый номер «Софийской правды». Зажал газету в левой руке, красной шапкой вниз, на кисть руки накинуд петлю складного зонтика.

Он вошел в туалет, осмотрелся по сторонам: никого. На минуту заперся в крайней кабинке, поставив сумку на бачок унитаза. Вышел оттуда, нос к носу, столкнувшись с женщиной в сером плаще и кепке, надвинутой на глаза.

Мужчина держал в руке такую же черную сумку, что осталась в кабинке. Незнакомец косо глянул на номер газеты, которую Колчин не выпускал из руки, стараясь прочесть название.

– И когда только кончится этот дождь, – вздохнул мужчина. – Надоела слякоть.

– Но погода все-таки летная, – отозвался Колчин.

– Бордовый «Фиат Браво», пятидверный. На стоянке, ключи в кармашке сумки, – беззвучно одними губами прошептал незнакомец, назвал номер машины и заперся в освободившейся кабинке.

Колчин подошел к умывальникам, бросил газету в урну, положил зонтик на полочку. Пустив воду, наблюдал в зеркало, как человек в плаще покинул кабинку и, даже не сполоснув руки, поспешно скрылся за дверью туалета. Хорошо бы в этой спешке он не забыл подменить одну сумку на другую.

Посольские ребята всегда слишком волнуются, дергаются, как рыба на уде. Если контрразведчики поймут за руку и вышлют из страны такого вот паренька в сером плаще, его материальное благополучие даст серьезную трещину. Шпионам под дипломатическим прикрытием всегда есть, что терять: здесь у них сытый налаженный быт, высокие оклады, дети ходят в посольскую школу, а жены бывают на распродажах меховых изделий и чешского стекла. Вытерев ладони бумажным полотенцем, Колчин вернулся в кабинку, взял с бачка сумку, расстегнул кармашек, переложил в пиджак ключи от машины и квитанцию за оплату парковки.

На стоянке он быстро нашел бордовый «Фиат», сел за руль.

– Ну, давай знакомиться, – сказал Колчин машине, вставил ключ в замок зажигания и завел двигатель.

Лишних шумов не слышно, мотор работает почти бесшумно. Если верить цифрам на спидометре, «Фиат» пробежал тридцать с небольшим тысяч, машина трехгодовалая, не старше. Двигатель пятицилиндровый, объемом два литра и мощностью сто сорок семь лошадей. Салон просторный, встроенная стереомагнитола, водительское кресло упругое, с приличной боковой поддержкой. Что ж, тачка неплохая, – решил Колчин. На узких улицах Праги «Мерседесу» или пятому «БМВ» слишком тесно. Здесь не Россия, в этой стране большие машины не пользуются народной любовью.

Открыв ящик для перчаток, Колчин запустил ладонь внутрь, вытащил два клочка бумаги. На первом был указан адрес, улица и дом, во дворе которого для Колчина приготовили «Фольксваген Транспортер», фургон светло бежевого цвета с затемненными стеклами в кузове, наштипованный аппаратурой. На втором листке от руки написали адрес, где болгарскому гостю следовало остановиться: частный пансион пани Новатны.

Колчин приуныл: на казенные деньги не грех пожить в «Интерконтинентале», в приличной светлой комнате с видом на Влтаву, с завтраками в номер, с казино и рестораном, в котором готовят любые европейские блюда. А его селят в мышинной дыре, где хозяйничает какая-то пани Новатны. На подъезде к Праге мелкая изморозь превратилась в сплошную стену воды. «Дворники» не справлялись с работой. Колчин спрашивал себя: может быть именно так с грибного дождика, переходящего в ливень, и начинается всемирный потоп?

Словно подтверждая эту мысль, молния надвое распоролла серое небо и ударила в землю.

Пансион пани Новатны помещался недалеко от городского центра в мрачном четырехэтажном здании старинной постройки. Фасад потемнел от времени, штукатурка местами облупилась, словно толстая скорлупа. Колчин остановил машину у тротуара, раскрыл зонт.

Изнутри заведение оказалось еще более мрачным и ветхим, чем снаружи. В тесном холле пахло мышами и плесенью, въевшейся в сырые стены. С другой стороны стойки сидела немолодая женщина в сером замызганном костюме и черной блузке. Морщинистую шею украшал белый шнурок. Колчин угадал в женщине хозяйку заведения, вежливо поздоровался по-чешски, положил на стойку болгарский паспорт.

– Я приехал на сельскохозяйственную выставку, – добавил Колчин, нарочито коверкая чешские слова. – Поживу у вас неделю. Остановиться здесь мне посоветовал знакомый. Он говорил, что у вас очень уютно.

Колчин поднял голову и с сомнением глянул на темные углы, завешанные паутиной, и желтые бесформенные разводы на потолке и решил, что определение «уютно» не совсем подходит для этого случая. – Вы хотите посмотреть комнаты? – пани Новатны заглянула в паспорт и огласила цену. – Двенадцать долларов в сутки за одноместный номер. Летом я беру восемнадцать долларов. Без питания, разумеется.

Колчин, до конца освоив роль небогатого болгарина, задумчиво пригладил ладонью черные волосы, словно взвешивал свои финансовые возможности и аппетиты хозяйки. Пани загнула слишком высокую цену, в Праге можно за сто долларов в месяц снять приличную квартиру со всеми удобствами.

Наконец, он принял важное решение.

– Годится.

– Туалет и ванная комната в коридоре, лифта нет, – предупредила Новатны и позволила себе нечто вроде улыбки, больше похожей на гримасу презрения. – Кстати, вы, хорошо говорите по-чешски.

– Спасибо, – Колчин обрадовался, как ребенок.

Тут за спиной пани Новатны появился мрачный мужчина с одутловатым серым лицом и тонкими всосанными губами. Видимо, подслушивал разговор хозяйки и нового постояльца из-за полуоткрытой двери. Мужчина поинтересовался, много ли вещей у господина. Получив отрицательный ответ, представился: пан Вацлав, муж пани Новатны.

По деревянной скрипучей лестнице поднялись на второй этаж, женщина толкнула дверь первого же попавшегося на пути номера, оказавшуюся незапертой. Сказала, что на втором этаже все комнаты одинаковые. Колчин бегло осмотрел комнату, узкую и темную, как нора полевой мыши, и решил, что надо бы осмотреть номера на третьем этаже.

– Там дороже на два доллара, – схитрила хозяйка, которой не хотелось карабкаться по лестнице вверх.

– Это почему же? – заинтересовался болгарин.

– Ну, там воздух чище и вообще...

Наверху Колчин увидел такие же комнаты, что и на втором этаже, разве что света больше. И обстановка похожая: платяной шкаф, узкая кровать, пара стульев, письменный однотумбо-

вый стол у окна и маленький телевизор. Колчин решил, что выбирать не из чего. Он сказал хозяйке, что займет номер, в самом конце коридора, если этот номер свободен.

Пани Новатны надменно кивнула.

За хозяйкой неотлучно следовал ее муж пан Вацлав. Когда жена начинала говорить, пан Вацлав поддакивал или беззвучно кивал головой, выражая свое полное согласие с мнением супруги. Время от времени он тер ладонью низ живота и тяжело вздыхал. Осмотрев крайний по коридору номер, Колчин вытащил бумажник, заплатил за неделю вперед.

– И попрошу не приводить сюда уличных женщин, – свела брови хозяйка. – Я человек старомодных взглядов и такого не терплю. Ключ в двери.

Пани Новатны вышла из комнаты, за ней последовал пан Вацлав. Неожиданно он становился, оглянулся на постояльца.

– Когда-нибудь эта грыжа меня прикончит, – пожаловался пан Вацлав, потер ладонью живот и закрыл за собой дверь.

Оставшись один, Колчин скинул пиджак, положил на кровать сумку, расстегнул «молнию». Он пристроил на столе портативный компьютер со встроенным модемом, мобильный телефон и провод. Присев на стул, включил компьютер, подсоединил к нему телефонную трубку. Он подключился к «Интернету», вышел на сайт частных объявлений о продаже и покупке музыкальных инструментов.

Набил текст на английском языке: «Молодой музыкант-любитель купит подержанную виолончель современной работы. Дефектные экземпляры прошу не предлагать. Жду ответа хоть сегодня». Далее следовал адрес электронной почты, по которому якобы можно найти автора текста. В Москве, прочитав объявление, узнают, что Колчин благополучно прибыл на место.

За окном можно увидеть ржавую крышу низкого дома через улицу. Дождь все лил, не переставая, в номер из коридора не доносилось ни единого звука, словно Колчин оказался в пансионе единственным постояльцем, что, в принципе, не исключено. Раздавив окурочек в пепельнице, он поднялся, вытряхнул на кровать то, что еще оставалось в сумке. Костюм нужного размера, аккуратно свернутый и упакованный в целлофан, пару сорочек, свитер из тонкой шерсти.

На дне сумки Колчин обнаружил завернутый в тряпку восьмизарядный пистолет «Беретта М 85» девятого калибра. И еще две запасные снаряженные обоймы. Колчин повертел в руках «Беретту». Не лучшая модель: стреляет самовзводом, спуск тугий, рукоятка слишком короткая. Но есть достоинства и у этой пушки: пистолет создан для скрытого ношения, он небольшой, почти незаметен в кармане пиджака или за поясным ремнем.

Колчин решил, что знакомство с торговцем подержанными автомобилями Юлиусом Барешем и его фирмой «Аметист» не следует откладывать в долгий ящик. По памяти набрал нужный номер, поинтересовался у секретаря, на месте ли господин Бареш. Получив отрицательный ответ, дал отбой. Он засунул пистолет под ремень, опустил две запасные обоймы в карман пиджака.

Таскать с собой оружие нет смысла, но оставить в номере тоже нельзя.

Прага, Винограды. 30 сентября

Фирма «Аметист», торговавшая подержанными автомобилями, находилась в районе Винограды неподалеку от одноименного кладбища и старого крематория, еще действующего, время от времени пускавшего в небо вонючий серый дым.

Колчин остановил «Фиат» на тихой улице, засаженной древними раскидистыми вязами. На противоположной стороне притулилось одноэтажное с плоской крышей здание конторы «Аметиста», к нему примыкала асфальтовая площадка, отгороженная от улицы металличе-

ской сеткой и заставленная разномастными автомобилями, судя по виду, почти новыми. Час не поздний, ливень кончился, но мелкий дождик без остановки сеялся на город, а темный день медленно перерождался в еще более угрюмый вечер. Два окна «Аметиста» светились электрическими огнями. Колчин вышел из машины, раскрыл зонт.

От тротуара к конторе вела широкая дорожка, выложенная светлыми плитами и по обе стороны засаженная кустами шиповника. Колчин свернул на территорию, где стояли автомобили, прошелся между рядами иномарок. С задней стороны ветровых стекол были помещены листки бумаги, на которых жирным фломастером вывели цены автомобилей. Колчин решил, что из окон одинокого покупателя уже заметили. Он вернулся к зданию конторы, поднялся на три ступеньки, под козырек крыльца, нажал кнопку звонка.

Дверь открыла женщина лет тридцати в коротком платье в мелкий цветочек. Колчин смерил ее долгим оценивающим взглядом, заглянул в глаза, решив про себя, что внешность женщины тянет на четверку с плюсом. Обручального кольца на пальце женщины Колчин не увидел.

Прежний план, сложившийся в голове, рухнул за одно мгновение.

– Вы хотите посмотреть машины? – спросила женщина.

– Машины я уже смотрел, – ответил Колчин по-чешски. – Можно войти?

Женщина распахнула дверь, пропустила гостя в помещение. В конторе, стены которого поклеили светлыми обоями, стояло три светлых письменных стола и несколько стульев, в углу телевизор на тумбе. Секретарь заняла место рядом с дверью в кабинет босса. Собственно, кабинета как такового у Бареша не было. Был угол, отгороженный от офисного зала пластиковой перегородкой полутораметровой высоты и стеклом, не достигающим потолка. Ясно, что все разговоры, которые вел хозяин на своей половине, могли слышать сотрудники «Аметиста».

И еще одна важная деталь: на столах всех служащих обычные телефоны, в которых трубка соединена с аппаратом витым проводом. В кабинете Бареша установлен беспроводной радиотелефон. Видимо, босс завел дурную привычку разговаривать с клиентами, расхаживая по офису. Что ж, Бареш сам себе создал проблемы... Еще пару минут назад Колчин рассчитывал дождаться господина Бареша в конторе, завести долгий обстоятельный разговор в его кабинете, заговорить зубы. Если Бареш выйдет на минуту, незаметно прикрепить жучок к нижней крышке или к тумбе стола. Затем подогнуть к «Аметисту» фургон «Фольксваген» с аппаратурой и писать все разговоры хозяина. Слабые стороны такого плана очевидны: он ненадежен и, главное, можно попасться.

– Вы здесь одна? – спросил Колчин.

– Хозяин вернется через час.

Колчин заметил, что едва речь зашла о Бареше, в голосе секретаря можно было услышать нотки раздражения. Видимо, отношения секретаря и начальника складываются не слишком гладко.

– Очень жаль, что хозяина нет.

– Я могу вам помочь?

– Разумеется, – Колчин упал на стул, вытянул ноги, твердо решив растопить лед взаимного недоверия. – Что-то покупателей совсем не видно.

Он осмотрелся по сторонам, словно хотел увидеть очередь из автолюбителей. Про себя отметил, что контора оборудована тревожной сигнализацией. Красная кнопка, видимо, спрятана так, чтобы секретарь, протянув руку, могла ее нажать. На окнах и дверях нет решеток, но установлены датчики, которые включают в ночное время. Значит, соваться сюда после окончания рабочего дня, чтобы обыскать кабинет хозяина или установить микрофон, не имеет смысла, полиция прибудет на место, как только сработает сигнализация.

Но есть и положительный момент: контора не оборудована видеокамерами слежения. О скрытых видео камерах и речи быть не может, для торговца подержанными автомобилями это

новшество разорительно. Значит, хозяин не сможет узнать, кто из клиентов бывает здесь в его отсутствие и о чем разговаривает с секретарем.

– Не сезон, – сказала женщина. – Машины покупают в основном весной и летом.

– Не имеет значения, – улыбнулся Колчин и отпустил тяжеловесный, как булыжник, комплимент. – Я пришел посмотреть машину, но увидел вас и забыл обо всем. Теперь хочу обсудить несколько вопросов.

– Каких именно?

– Важных. Ну, например, в каком заведении мы сегодня вместе поужинаем?

Колчин протянул женщине визитную карточку.

– Владелец фирмы «Солнечный ветер» Христо Баянов, София, – прочитала вслух секретарь. – Оптовые поставки консервированных овощей. Очень приятно. Но консервированные овощи меня не слишком интересуют.

– Я тоже не вегетарианец. Как вас зовут?

– Мила Фабуш.

– Мила, один мой приятель, чех, покупал у вас автомобиль, – сказал он. – Дело было год назад.

– Год назад я здесь не работала. Я тут второй месяц.

– Не важно. Так вот, этот человек очень хорошо отзывался о вашей фирме. Я приехал на сельскохозяйственную выставку и подумал: почему бы ни зайти? Сейчас я пользуюсь «Фиатом» своего знакомого, это не очень удобно. Но вернусь в Софию на новой машине. Почти новой.

– Правильно сделали, что обратились к нам, – ответила Мила заученной фразой. – Во-первых, у нас большой выбор. Есть все, от «Фелиции» до «Кадиллака». Можно заказать машину по каталогу. Модель, цвет, год выпуска. Заказ будет выполнен через одну-две недели. Во – вторых наши цены ниже, чем в других салонах. Вас интересует что-то конкретное?

– Вечером подумаю. То есть, мы вместе подумаем. Подберем мне машину. Сначала выпьем по коктейлю, послушаем музыку. Вы любите джаз? Прекрасно. За ужином в хорошем ресторане поговорим о делах. Договорились?

Мила, удивленная настойчивостью болгарина, сморгнула. На ее лице отразилась напряженная внутренняя борьба. Возможно, она думала о том, что в этом скромном платье будет чувствовать себя неуютно в ночном ресторане. В хороших дорогих заведениях Мила, видимо, бывала не часто: богатые любовники на горизонте не маячили, а на скромное жалование секретаря можно гульнуть разве что в ближайшей кондитерской, что через дорогу от крематория. Там за чашкой какао собираются местные домохозяйки, старухи и школьники.

– Хорошо. Я заканчиваю работать в семь вечера.

Колчин поднялся со стула.

– Буду ждать в машине.

Он вернулся к «Фиату», устроился в салоне. Колчин взял трубку мобильного телефона, набрал номер своего помощника Ярослава Пачека. Для него есть срочная работенка: специальное оборудование для скрытого слежения за объектом понадобится уже сегодня вечером. Когда трубку сняли, Колчин произнес условную фразу, попросив позвать к телефону некоего господина Карела.

– Вы ошиблись номером, – ответил приятный мужской баритон.

Колчин извинился и поехал на встречу с Пачеком, к почтовому музею в районе Смихова.

Ровно в семь вечера Мила села на переднее сидение бордового «Фиата». Она успела сделать маникюр, подрумянила бледные щеки и украсила шею ниткой янтарных бус. Колчин, неплохо знакомый с ночной жизнью Праги, остановил машину у клуба «Редута» и заплатил двенадцать долларов за входные билеты.

Клуб прославился совсем не тем, что здесь выступают неплохие джазовые исполнители. Когда-то в «Редуте» вместе с местными музыкантами играл на саксофоне тогдашний президент Соединенных Штатов. С записей того уникального концерта Клинтона здесь начинается почти каждый вечер. В сегодняшней основной программе выступал квартет из Вены и популярный местный гитарист. На Колчина музыка неизгладимого впечатления не произвела, но женщина была в восторге, и это главное.

В десять вечера Колчин и Мила, сытые джазовыми импровизациями, вышли из «Редуты», пешком прошли квартал по Народной улице и перебрались в ресторан «Адриа», известный своей обширной картой вин. Веселье закончилось во втором часу ночи. Колчин и Мила забрали «Фиат», оставленный у клуба.

Колчин долго прогревал двигатель, раздумывая, как бы поставить красивую эротическую точку в затянувшемся веселье.

– Можно поехать в пансион, где я остановился, – неуверенно сказал он. – Выпить кофе... Или ликера.

Колчин не хотел приглашать Фабуш на конспиративную квартиру, чтобы устроить там ночь любовных наслаждений.

Отвести женщину в пансион пани Новатны?

Колчин вспомнил суровое лицо, поджатые бескровные губы хозяйки. Вспомнил запах плесени и сырость своей однокомнатной норы на третьем этаже, куда трудно попасть незамеченным. Тем более в компании женщины. На смену мужскому желанию пришли безысходная тоска и апатия.

Из трудного положения выручила Мила, повеселевшая от обильного ужина и французского вина.

– Кофе можно выпить и у меня. Правда, я живу довольно далеко от центра...

Мила назвала адрес.

– Это не имеет значения, что далеко.

Колчин снова почувствовал себя человеком и мужчиной.

Лондон, Берменси. 30 сентября

В субботу Алексей Степанович Донцов, работавший в Англии под именем Майкл Ричардсон, закрыл свой магазин скобяных товаров как обычно в пять вечера. Выйдя на улицу, взял направление к дому, на полдороге совершил длительную остановку в пабе «Хилл Роуд». Он возвратился к родному очагу, в тесную квартиру на первом этаже, когда за окном сгустились первые сумерки, и тут же лег спать. Воскресные дни проходили по раз и навсегда установленному расписанию: Ричардсон поднимался в половине седьмого утра, чтобы успеть к открытию блошиного рынка «Портобелло».

В последнее воскресенье Донцов проснулся раньше времени, ровно в пять тридцать утра, и не по звонку будильника, а сам по себе. На другой половине широкой кровати спала жена Хелен. Донцов знал, что сегодня в его жизни должны произойти важные перемены, а поход на рынок, возможно, станет последним английским мероприятием. В восемь пятнадцать он вышел из метро «Ноттинг Хилл Гейт». И тут же попал в плотный людской поток таких же, как он любопытных, небогатых людей, стремящихся что-то купить по относительно низкой цене на улице Портобелло, где по воскресеньям расцветала яркими красками самая живописная в Лондоне барахолка.

Донцов медленно брел по улице, останавливался у прилавков, спрашивал цену и шагал дальше. По легенде он скромный торговец скобяными товарами, увлекается всякими поделками под старину. Ему нечего делать в западной части Лондона в районе Мейфер рядом с Гайд-Парком, где сосредоточены шикарные магазины для заживевших американцев. Без пяти

сотен в кармане не сунешься даже в антикварные лавки среднего уровня, что расположены в районах Кенсингтона или Челси.

А здесь Донцов чувствовал себя, как рыба в воде.

Улица поднималась в гору, тротуары заставлены столиками, на которых разложили всякий хлам, начиная от поношенных шмоток и вышитых крестиком салфеток, заканчивая африканскими масками, японскими статуэтками начала прошлого века или каминными часами французской работы. Несмотря на ранний час здесь уже собралось столько народу, что ступить было некуда. Откуда-то слышались звуки шарманки, дети фотографировались с ручной обезьянкой, покупатели тесно обступили прилавки.

Среди знакомых он поддерживал репутацию страстного любителя безделушек из фарфора. Свою бессистемную коллекцию Донцов начал собирать четыре года назад, когда переехал в Лондон из Скандинавии, открыл магазин скобяных изделий и женился на Хелен, служившей сиделкой в государственной больнице. Увлечение антиквариатом было лишь мыльным пузырем, пшиком. На рынок Донцов приходил не для того, чтобы купить за пятерку дефектный серебряный браслет или фарфоровую статуэтку сомнительного происхождения.

Здесь, в людской толчее, идеальное место для контакта с русским связником. Самым великим спецам из контрразведки МИ-6 не по зубам проследить отдельного человека в этом людском водовороте, сделать фотографию и тем более записать на пленку чужой разговор. Донцов увидел связника возле газетного киоска, они раскланялись, как добрые знакомые, отправились в ближнюю пивнушку, взяли по кружке слабоалкогольного эля «Басс».

В пивной связник и Донцов выбрали столик в дальнем углу, четверть часа поговорили о ценах на антиквариат и обменялись пачками сигарет. В той пачке, что Донцов положил в карман, содержались подробные письменные инструкции из Москвы об операции «Холодный фронт». «Счастливо тебе, Алексей, – понизив голос до шепота, сказал связник по-русски. – Мне будет тебя не хватать. Честно». «Думаю, я там скоро управлюсь», – ответил Донцов по-русски.

Он вышел из пивной, вернулся на улицу Портобелло, прошелся вдоль торговых рядов и, поторговавшись, купил у иранца за семь фунтов деревянные бусы ручной работы. Донцов спустился в метро, двинулся в сторону дома, доехал до конечной станции «Элефант энд Кастрл», а дальше автобусом до церкви Марии Магдалины.

Рабочая окраина, населенная небогатым людом и эмигрантами, не самое красивое место английской столицы. Здесь витают запахи отбросов и беспросветной бедности, из которой простому человеку так трудно выбраться. Донцов свернул в узкий переулок, застроенный обшарпанными трехэтажными домами, у подъезда раскланялся с соседом по этажу господином Чонгом, отцом многодетного семейства из Тайваня. Если ты живешь в рабочем предместье, будь готов, что твоим соседом окажется китаец, пакистанец, а то и негр.

Донцов поднялся на пять ступенек крыльца, открыл дверь в подъезд своим ключом, вошел в квартиру. На кухонном столе он нашел записку от Хелен. Жена писала, что до вечера пробудет у Кэрол и обещала позвонить. Хелен имела от первого брака взрослую дочь, которая с шестнадцати лет стала сама зарабатывать на жизнь, и, как заведено в Англии, поселилась отдельно от матери.

Хелен и Майкл Ричардсон познакомились самым современным способом: через страничку объявлений «Одинокое сердце» в «Интернете», обменялись фотографиями и адресами. Переписывались два месяца, пока Донцов не получил указание из Москвы приехать в Лондон, ближе познакомиться с Хелен, а затем жениться на ней. Этот брак позволил Донцову спокойно пройти инфильтрацию, то есть внедриться в страну, не вызвав подозрения контрразведки.

Перед свадьбой на московские деньги Донцов открыл магазин скобяных изделий. Да, бегут годы...

Со временем он стал испытывать к Хелен чувство большее, чем простая человеческая привязанность. Они прожили вместе почти четыре года, один раз побывали в отпуске. Отдыхали на Барбадосе во второразрядном отеле, где отдыхающих селят в домишки, стилизованных под туземные хижины, крытые тростником. Две недели, проведенные на острове, не принесли большой радости ни Донцову, ни его супруге.

Дешевая туристическая экзотика, экскурсии в зверинцы и аквапарк, – это, стиснув зубы, еще можно пережить. Но когда остров просто кишит всякой шпаной, когда солидной супружеской паре в любое время дня и ночи на каждом шагу предлагают купить наркотики – это уж слишком.

Наскоро перекусив, Донцов позвонил молодому управляющему своего магазина и еще раз напомнил, что завтра уезжает по делам в Германию. Управляющий остается за хозяина, он должен подавать пример служащим, приходиться на работу первым в восемь тридцать утра и уходить из магазина последним.

Донцов вышел на лестницу, спустился в подвал, где у него была оборудована столярная мастерская. Запер дверь, набрал в плоский мелкий тазик холодной воды из-под крана, влил в воду стакан уксуса, открыл банку из-под кофе, растворил в уксусном растворе чайную ложку темного порошка, напоминавшего марганцовку. Затем открыл сигаретную пачку, полученную от связника, вытащил из нее две абсолютно чистые бумажные странички.

Опустил бумагу в раствор и, следя за секундной стрелкой наручных часов, отсчитал полторы минуты. Затем вытащил и разложил на верстаке мокрые странички, зажег ультрафиолетовую лампу.

Донцов наблюдал, как на белой бумаге проявляются убогие строчки текста с мелкими межстрочными интервалами и узкими пробелами. То была последняя подробная инструкция из Москвы о проведении операции «Холодный фронт», о каналах связи и контактах с привлеченными к делу агентами. Донцов прочитал текст четыре раза, запомнив его наизусть слово в слово. Он разорвал листы вдоль и поперек, скатал мокрую бумагу в шарик и бросил в топку финской печки.

Затем загрузил в печь уголь и развел огонь. Он забрался на стремянку, освободил верхнюю полку от инструментов, вытащил заднюю стенку полки, за которой в кирпичной стене подвала оборудована ниша, а в ней устроен вместительный тайник. Здесь хранились те мелочи, от которых можно было быстро избавиться. Донцов сбросил на пол бумаги, неиспользованные одноразовые блокноты, кальку для тайнописи, перьевую ручку с симпатическими чернилами.

Если бы Хелен когда-нибудь догадалась устроить уборку в столярной мастерской мужа в его отсутствие и случайно наткнулась на тайник... Что ж, праздное любопытство плохо заканчивается. В этом случае Хелен должна умереть до того, как успеет связаться с полицией. Сломать шею, оступившись на крутой лестнице, утонуть в ванной, скончаться от удара электрическим током.

Донцов слез со стремянки и стал бросать бумаги в печку. На его лице плясали отблески оранжевого пламени.

Последние два месяца Донцов был «законсервированным» агентом, не имеющим определенного задания. Эти два месяца можно смело вычеркнуть из жизни. И плюс к ним еще полгода, когда Донцов по заданию Москвы занимался выяснением судьбы и подробностей теперешней жизни бывшего русского шпиона, перебежавшего к англичанам и сдавшего им агентов, работавших под дипломатической крышей. Донцов лишь выполнял приказы, которые получал из центра. В приказах не было и намека на ту участь, которая ждала предателя.

Однако легко догадаться, что в отношении перебежчика готовилась силовая акция. Донцов выяснил, что человек, интересующий Москву, живет в пригороде Лондона под охраной спецслужб, которым причиняет много беспокойства.

Он не подходит к окнам своей квартиры, не бегают трусцой, как бегал в Москве, больше не думает о красивых женщинах, он сделался болезненно подозрительным и пугливым. Много пьет, горстями принимает транквилизаторы, чтобы забыть о страхе, съедающем душу. И каждый прожитый день считает удачей, подарком судьбы. Словом, превратился в параноика, которому жизнь не в радость.

Возможно, в Москве учли донесения Донцова, возможно, изменился политический климат. Но приговор предателю не привели в исполнение, справедливо решив, что его пропадающая жизнь – больше никому не нужна. Ни прежним, ни нынешним хозяевам. Донцов не обсуждал приказы, не ставил их под сомнение, но на этот раз ему казалось, что дело с предателем стоило бы довести до логического конца. Ну, уж коли начали... Теперь Донцову было жаль времени и усилий, потраченных попусту. Донцов уничтожил бумаги, дождался, когда огонь погаснет, пошуровал в печке кочергой. Он поднялся наверх, по телефону на имя некоего Эдварда Лэнда заказал билеты на паром, следующий из Портсмута до французского Гавра. Затем повалился на диван и отгородился от мира газетой.

Глава четвертая

Прага, Винограды. 2 октября

Расспросив Милу Фабуш, Колчин без труда срисовал распорядок дня хозяина автосалона «Аметист», его привычки и бытовые проблемы.

Юлиус Бареш весь, как на ладони. Он женат на Елене, женщине своих лет. Детей не имеет. Жена домохозяйка, болезненно раздражительна, вспыльчива и ревнива. Слишком часто прикладывает к бутылке, вечерами она пьяна настолько, что едва шевелит языком. Елена подозревает мужа в связи с какой-то молодой танцовщицей. Но, по мнению Фабуш, этой танцовщицы в природе не существует. Жена Бареша просто чертова алкоголичка, теряющая разум. У нее начальная стадия паранойи, этой женщине нужно срочно обратиться к наркологу или психиатру.

Бареш приходит в контору в одно время со своими подчиненными, без четверти девять или чуть позже. Целый день безвылазно торчит на месте, шуршит газетами или находит себе другое увлекательное занятие. Обедает с часу до половины второго в закусочной «У краба», затем возвращается в «Аметист».

В восемь часов утра Колчин подогнал «Фольксваген» в район Винограды, облюбовав для стоянки место на противоположной стороне улицы, метрах в ста от конторы.

Колчин выбрался с водительского места, открыл боковую сдвижную дверь фургона, сел на привинченную к железному полу скамейку. Раздвинул матерчатые шторы, закрывающие густо затемненное боковое стекло и убедился, что занял неплохую позицию. Оставаясь невидимым, он не пропустит ни единого человека, перешагнувшего порог «Аметиста». Колчин вытащил из кармана мобильный телефон, набрал домашний номер Милы Фабуш. После второго звонка трубку сняли.

– Я не разбудил тебя, дорогая? – спросил Колчин. – Не слишком рано звоню?

– Если бы ты позвонил на пять минут позже, не застал меня дома, – ответила Мила. – Я уже выбегаю. А ты, почему так рано поднялся? Какие планы на сегодня?

– Планы? – Колчин задумчиво почесал подбородок. – Завтра открывается сельскохозяйственная выставка. А сегодня я должен получить там аккредитацию. Заплатить за место и подписать кое-какие бумаги. Освобожусь вечером.

– Ты позвонишь?

– Как только покончу с делами. А ты не забудешь поставить на свой рабочий стол мою фотографию в рамке? Ты взяла ее с собой?

– Фотография уже в сумочке, – прошептала Мила. – Жду звонка.

Колчин положил мобильный телефон на пластиковый столик у окошка, нагнулся, открыл ящик, в котором хранилась фотоаппаратура и объективы. Когда появился первый служащий, Колчин успел выкурить сигарету, проверить аккумуляторы и присоединить к фотокамере длиннофокусный объектив с высокой разрешающей способностью. К стоянке, где стояли автомашины на продажу, подъехал черный «Гольф», из машины выбрался высокий худой мужчина в короткой куртке. Открыв замок на воротах своим ключом, мужчина загнал на стоянку автомобиль. Не закрыв ворота, прошел к конторе и скрылся за дверью. Колчин успел сделать пару снимком этого парня.

Из рассказа Милы, Колчин знал, что в настоящее время в «Аметисте» помимо секретарши и босса работают еще два торговых агента и приходящая уборщица. Управляющий и третий торговый агент отдыхают, потому что Бареш дает отпуск своим сотрудникам, когда в торговле намечается серьезный застой, то есть осенью или зимой. Мила Фабуш на белой «Фелиции» приехала на службу без двадцати девять. Оставив машину на стоянке, чуть не бегом помчалась к конторе. Видимо, хотела, чтобы шеф застал ее на рабочем месте с легкой испари-

ной на лбу. Колчин пересел на противоположный край скамейки. Вдоль перегородки, отделявший кабину «Фольксвагена» от кузова, были установлены магнитофоны, сканеры радиочастот, компьютер и еще кое-какая полезная мелочь. Колчин натянул наушники, отрегулировал звук. Теперь он мог слышать все, о чем говорят в конторе сотрудники «Аметиста». Звук был почти идеальным, без треска, искажений и помех.

– Как провел выходные? – голос Милы Фабуш звучал так близко, будто она сидела рядом.

Видимо, вопрос был адресован тому худому сумеречному типу, что приехал на «Гольфе». Мужчина ответил неприятным скрипучим голосом с металлической ноткой, будто пролалял вокзальный репродуктор, объявляющий посадку на поезд.

– Хотел съездить на последнюю рыбалку, но куда там. С женой торчали у тещи. Проклятая погода. Когда только кончится этот дождь?

– Наверное, когда пойдет снег.

Колчин передвинулся к окну, как оказалось, вовремя. Из серебристого «Форда Фиеста» вылезал плотного сложения господин в плаще болотного цвета и мягкой шляпе, не иначе сам пан Бареш. Перед тем, как защелкать фотокамерой, Колчин успел подумать, что финансовые дела Бареша катятся по наклонной. Владельцу автосалона по долгу службы надлежит иметь более свежую и породистую тачку, чем этот несчастный «фордик» с пятнами ржавчины на крыле.

Бареш шел медленно, переваливаясь, как гусак, отягощенный возрастом и важными мыслями. Через минуту он скрылся в конторе. Еще через пять минут на японской малолитражке к «Аметисту» подъехал последний служащий, невысокого роста молодой человек в клетчатом пиджаке.

Хорошо, что вчерашний день пришелся на воскресенье. После тяжелого труда, загула в ресторане и ночи любви с секретаршей Бареша, Колчин позволил себе небольшой отдых. До позднего утра валялся на двуспальной кровати в квартире Милы Фабуш. Поднявшись в полдень, пил кофе на кухне.

Женщина занимала небольшую скромно обставленную квартиру в районе новостроек. Если смотреть из окна, с высоты десятого этажа, кажется, будто очутился в московском Митино или в Бутово. Вот только женщина, одетая в халатик из искусственного шелка, почему-то говорит по-чешски.

«Ты был великолепен», – сказала Мила ночью. В эту минуту Колчин лежал на спине и смотрел в черный потолок. Ты был великолепен... Возможно, Фабуш переоценила способности Колчина. Возможно, одинокой женщине просто не с чем сравнивать. Ну, нет достойного примера, да и все... Но звучит красиво: ты был великолепен. Почему же от русских женщин он никогда не слышал этих слов? Минут пять Колчин ломал голову над этим вопросом, прислушивался, ожидал, когда Мила заснет.

На утро, покончив с кофе, он вышел в прихожую, взял с зеркала барсетку, вернулся на кухню, вытащил женские часики на золоченом браслетике, упакованные в продолговатый футляр. Колчин раскрыл коробочку, достал часы, шагнул к Миле: «Примерь-ка эту штучку». Мила округлила глаза, поцеловала Колчина в губы, надела на запястье часы. «Прелесть. Настоящие швейцарские часы. У меня никогда не было роскошных вещей вроде этой. Господи, зачем такие дорогие подарки?». Колчин подумал, что часы действительно стоят немалых денег. Эти часы и другое оборудование он получил накануне от Ярослава Пачека. В корпус часов вмонтирован «жучок».

Дождавшись когда уляжется первая радость, достал из барсетки застекленную черно-белую фотографию в золотистой пластмассовой рамке, поставил ее на стол. На карточке можно было разглядеть кудрявого ребенка лет семи в коротких штанишках и матросской курточке, прижимавшего к своей груди плюшевого утенка с оторванным носом. На заднем плане темнела

то ли мятая занавеска или то ли оконная штора. Трогательный снимок. Мила взяла карточку, приблизила ее к глазам: «Что это за ребенок?»

Колчин не имел представления, что за ребенок на фотографии. Карточку в рамке он получил от Пачека. Золотистая рамка скрывала два специальных «жучка» и антенну.

«Попробуй догадаться», – загадочно улыбнулся он. «Неужели это ты?» – умилилась Фабуш и снова поднесла снимок к глазам. Колчин сидел на стуле с видом именинника, принимавшего поздравления: «Точно. Это я в возрасте... Э-э-э... Дай бог памяти. Э-э-э... Вспомнил, в возрасте семи лет. Будешь смотреть на карточку и меня вспоминать. Поставь ее на свой рабочий стол в конторе».

«Да, с тех пор ты сильно изменился, – Мила покачала головой, взглянула на Колчина, силясь найти хотя бы отдаленное, мимолетное портретное сходство. – А у тебя нет более свежей фотографии?»

«Понимаешь, это семейная реликвия, вроде как талисман, – Колчин подпустил в голос немного дрожи, будто это объяснение стоило ему некоторых душевных усилий. – Когда была жива мама... Когда она еще была жива, фотография стояла у изголовья ее кровати. И спасала от бед и болезней. Ну, порчу отводила и все прочее. Мама умерла именно в тот день, когда сослепу поставила фотографию в другую комнату, на комод. Если карточка будет стоять рядом, тебе обязательно повезет. Найдешь клад, выиграешь в лотерею или выйдешь замуж по любви».

«Что ж, звучит заманчиво», – сказала Мила.

Довольный собой, Колчин допил кофе. Он хотел сполоснуть чашку, подошел к мойке, отвернул кран. Но поток воды оказался слишком сильным. Чашка выпала из мокрых пальцев и раскололась надвое. «Ой, как жаль, – Мила собрала осколки и бросила их в мусорное ведро. – Очень жаль». Колчин чуть не обиделся. Только что женщина получила от него дорогой подарок, а переживает из-за грошовой чашки с золотым ободком. Он засобирился, сказав, что сегодня еще нужно повозиться с бумагами.

В пансионе пани Новатны царило прежнее уныние и запустение. Хозяйка, не скрывая брезгливой гримасы, бросила перед постояльцем на стойку ключ с деревянной биркой. «Вы, пан Баянов, не успели приехать, а уже нашли себе приключение с продажной женщиной?» – Новатны осуждающе покачала головой. Колчину стало неуютно под этим пронзительным взглядом. Он не стал врать и отпираться. «От вас ничего не скроишь, пани Новатны. Беда в том, что я слишком влюбчив», – Колчин потупил взгляд.

«Берегитесь. Женщины доведут вас до беды. Большой беды», – выдала мрачный прогноз хозяйка. Колчин только руками развел, изображая смиренную покорность перед волей судьбы. «Молодость, молодость», – пропел пан Вацлав, показавшись из-за женской спины. То ли он осуждал болгарина, то ли восторгался его прытью. Скорее всего, второе. Пан Вацлав и сам был не против ступить на тропу греховного коммерческого секса, но доходами пансиона распорядился не он, а супруга.

Хозяйка немного смягчилась, взяла с постояльца пятьдесят крон и выдала ему чистое полотенце.

Колчин поднялся наверх, перекинул через руку махровый халат, который купил по дороге, отыскал дверь в мужскую комнату. Минут десять он, натирая тело мылом, стоя под стружкой воды, скорее, холодной, чем теплой, едва сочившейся из душа. Когда Колчин намылил грудь и спину, душ фыркнул, выпустил из себя воздушные пузыри, вода больше не лилась, а капала. Колчин стал обтирать мыльное тело полотенцем.

Когда эта экзекуция кончилась, Колчин всерьез разозлился на хозяйку. В конце концов, за свои доллары он должен получать хотя бы минимум удобств, хотя бы горячую воду, а не мудрые советы пани Новатны. Захотелось надеть новый халат, спуститься вниз, встать перед стойкой, за которой сидит пани Новатны. И пристрелить хозяйку. Выпустить в это бессердеч-

ное существо всю пистолетную обойму. А пану Вацлаву просто набить морду. Желание было настолько сильным, что Колчин едва справился с собой.

Колчин провел в грузовом отсеке «Фольксвагена» полтора часа, слушая пустые разговоры служащих «Аметиста». Кажется, жители большого города и туристы совершенно не интересовались покупкой автомобилей, пересев на общественный транспорт.

За все это время в конторе появился единственный постоянный клиент, торговец удобрениями. Он стал жаловаться Барешу на застой в делах и просить об отсрочке по платежу за машину, купленную еще в начале лета. Бареш не уступал, но и клиент не сдавался, напирая на то, что, возможно, возьмет еще один пикап, если сбросят цену и дадут отсрочку по старому платежу. Судя по всему, этот человек давно отравлял существование Бареша, выпрашивая новые скидки и отсрочки. Наконец, продавец удобрений что-то выторговал и ушел, довольный своей коммерческой хваткой.

Судя по шагам, Бареш проводил гостя до порога, закрыл за ним дверь и простуженным голосом рявкнул: «Чертов навозный жук. Кретин. Что б тебе всю жизнь торговать удобрениями».

Колчин набрал номер конторы, включил магнитофон. Когда трубку сняла секретарь Мила Фабуш, хриплым неузнаваемым голосом попросил пана Бареша по личному делу.

– Слушаю вас.

– Господин Бареш? К сожалению, мы лично не знакомы. Пока не знакомы. Свое имя я смогу назвать при встрече.

– При встрече? – удивленно хмыкнул Бареш.

Видимо, в этот момент он покусывал губу или озадаченно чесал подбородок, стараясь угадать собеседника. Теперь Колчин говорил своим голосом, медленно, с едва заметным акцентом. Давал Барешу понять, что тот беседует с англо-говорящим иностранцем. – При встрече, – повторил Колчин. – Со мной связался известный вам мистер Коэн. Из посольства. Вы ведь помните мистера Коэна?

– О, разумеется. Конечно... Я помню.

– Хорошо, что помните. Или что-то изменилось в ваших планах? Вы передумали?

– Нет, разумеется, – Бареш заметно волновался. – Ничего не изменилось. Мое предложение в силе. Просто, я так долго ждал вашего звонка, что уже перестал надеяться. Перестал ждать. Я думал... Думал, что мое предложение вас не заинтересовало. Вы не звонили...

– Такие дела быстро не делаются. Когда и где мы можем встретиться? Лучше увидеться где-нибудь в центре.

Бареш от волнения так ничего и не вспомнил, предложив собеседнику самому выбрать удобное место.

– Старое Еврейское кладбище подойдет? – спросил Колчин. – Прекрасно. Там спокойно и тихо.

– На мне зеленоватый плащ...

Колчин не дал собеседнику договорить.

– Не волнуйтесь, вас я узнаю.

Колчин дал отбой, отложил в сторону трубку, включив запись сразу на двух магнитофонах. Если интуиция не обманывает, сейчас Бареш кому-то позвонит. В присутствии подчиненных, слушающих разговор, Бареш не станет долго распинаться о секретных делах, но тут важно другое. Установить собеседника Бареша. Надо думать, что очаровательная Мила Фабуш, как обещала утром, поставила на свой рабочий стол фотографию кудрявого малыша в матросской курточке. Подслушивающее устройство, скрытое под рамкой, особого назначения. В конторе Бареш пользуется радиотелефоном. Электромагнитные колебания идут с трубки на базу в тот

момент, когда Бареш набирает чей-то номер. «Жучки» считывают сигнал, передают их в эфир. Аппаратура в кузове «Фольксвагена» ловит передачу.

Пару минут Бареш мерил шагами пространство возле письменного стола, но вот он снял трубку. Индикаторы уровня звука на магнитофонах пришли в движение, задержались возле красной полосы. Есть сигнал. Умница, Мила, не обманула, поставила на стол фотографию ребенка. Жаль только голос собеседника Бареша Колчин не мог слышать.

– Пана Яночку попросите, пожалуйста, – сказал Бареш. – Карл? Хорошо, что застал тебя на месте. Тут объявился человек. Говорит, что он от Коэна. Ну, да... Того, из посольства...

Долгое молчание. Видимо Бареш слушает собеседника.

– Я уже условился о встрече на Старом еврейском кладбище, – отвечает Бареш. – Сегодня в половине второго. Хорошо. Я постараюсь. Обязательно, перезвоню. Да, лучше приеду. Я все помню. Понимаю, это не для телефона.

Разговор окончен, Бареш положил трубку.

Колчин отмотал кассету на то место, где Бареш набирал телефонный номер, переписал сигналы в память компьютера. Врубил специальную программу, пропустил через нее запись, через полминуты на экране монитора высветился телефон, по которому звонил Бареш. Колчин ввел телефонный номер и фамилию абонента, Яночка, в базу данных, нажал кнопку «поиск».

Итак, вот ответ. Телефон зарегистрирован ни на частное лицо, номер принадлежит некоему музею «Водичков». Странно. В таком случае, кто такой этот Яночка? Это необходимо выяснить в срочном порядке.

Еще один звонок Бареш сделал четверть часа спустя. Елейным голосом он сообщил некоей женщине по имени Яна, что мероприятия, назначенные на сегодняшний вечер, переносятся. «Мне очень жаль, что так получилось, – добавил Бареш. – Но подвернулось срочное дело. Надеюсь хорошо заработать. С меня подарок». Через пять минут Колчин уже знал телефон, по которому звонил Бареш, и адрес таинственной Яны. Колчин решил, что подозрения и ревность супруги Бареша, не следствие болезненной подозрительности. Бареш действительно содержит молодую любовницу. И, судя по его елейному голосу, испытывает к этой женщине что-то похожее на искреннее глубокое чувство.

Колчин позвонил Ярославу Пачеку. Как договорились вчера, Пачек ждал звонка и новых поручений. Колчин выбрался из фургона, пересел за руль «Фиата». До встречи на еврейском кладбище он еще успеет озадачить Пачека своими вопросами. Надо в срочном порядке выяснить личность этого музейщика Яночки. Узнать о нем все, что только можно узнать о человеке.

Портсмут, район морского порта. 2 октября.

Улицы небольшого английского города насквозь продувал свежий морской ветер. Ранним утром Алексей Донцов, накрывшись черным зонтом, бродил по дальнему причалу и наблюдал за большим пассажирским пароходом, стоящим на рейде, и крупными разъевшимися чайками, вьющимися у пирса. Казалось, что все окружающее пространство, весь мир, состоит из серой бесконечной воды, этого причала и портовых кранов, подпирающих низкое небо. Птицы летали так низко, что порой задевали водную поверхность острыми концами крыльев. Погода испортилась, мелкий дождь то начинался, то снова затихал.

Над неприветливыми волнами поднимались белые барашки волн. Иногда ветер налетал резкими порывами, тогда волны смачно шлепались о бетонную стенку причала и высоко в воздух взлетали мелкие брызги. Пахло солью, водорослями и морем. И еще с далеких баркасов, пришедших с ночным уловом и вставших у рыбацкого причала, сюда долетал запах свежей рыбы. Донцов раздумывал о том, что, возможно, больше не вернется в Англию. Велика вероятность, что по окончании пражской операции его отзовут обратно в Москву, или он получит задание, связанное с работой в одной из восточно-европейских стран. Донцов не предпола-

гал, что его долгосрочная английская командировка кончится так неожиданно, именно здесь, в Портсмуте, в дождливый осенний день, на причале, открытым всем ветрам.

В карьере любого разведчика есть сотня возможностей для провала, есть сотня возможностей предотвратить провал. Но нельзя долгое время работать в чужой стране и ненавидеть эту страну. Тогда провал становится неизбежен, он предрешен. Донцов думал, что по-своему привязался к Англии.

Со своей позиции он видел, что на набережной рядом с пивной «Трилистник» остановился «Форд» седан темно зеленого цвета. С водительского места вылез человек в сером плаще и бежевой кепке, вытащил с пассажирского сиденья «дипломат», неторопливо зашагал вдоль причала. Этого человека никогда прежде Донцов не встречал.

Он не двинулся с места, ожидая, когда мужчина сам приблизится.

Человек в плаще делал вид, что прогуливается. В эту маскировку мешала поверить отвратительная погода и тяжелый чемодан, который висел на руке, как двухпудовая гиря. В дождь с таким багажом люди, находящиеся в здравом уме, не гуляют по причалам. Человек остановился в трех шагах от Донцова.

– Сегодня очень холодный ветер, – сказал он и закашлялся. – Просто на редкость холодный.

– В этом месте всегда дует сильный ветер, – услышав пароль, Донцов отбарабанил отзыв. – Можно легко простудиться.

– Да, сегодня неудачный день для прогулки, – кивнул человек в кепке.

Что ж, вступление закончено, можно переходить к делу.

– Здравствуйтесь, – сказал человек, но руки не протянул. В его английском можно было уловить легкий ирландский акцент. – Меня зовут Генри.

Генри поднял воротник плаща, защищая шею от ветра и ледяных брызг.

– Теперь вы Эдвард Лэнд. Букинист из Гастингса.

Мужчина вытащил из внутреннего кармана плаща продолговатый плотно набитый конверт, протянул его Донцову.

– Здесь документы на имя Эдварда Лэнда ключи от конспиративной квартиры в Праге, деньги.

Донцов сунул конверт в карман.

– Вы ведь бывали в Гастингсе? – спросил Генри. – Знаете город?

– Бывал наездами, – кивнул Донцов. – Проводил там один или два дня.

Донцов вспомнил, что в этом городе года полтора назад жил один человек, специалист в области электронного шпионажа. Неплохо жил, потому что хорошо зарабатывал. Ездил на «Ягуаре» последней модели и водил знакомство с дорогими женщинами, к которым простой смертный не подступится. Но в Москве вдруг возникли сомнения в искренности агента. Информацию, которую он гнал, была или протухшей или недостоверной. Проверку поручили Донцову. В одно прекрасное утро агента переехал грузовик.

– Письменные инструкции получили. Есть вопросы?

– Много ли времени у меня в резерве?

– Не так много, как бы нам хотелось, – покачал головой собеседник. – В Гавре возьмете машину на прокат. До Парижа хорошая дорога, будете там через три-четыре часа. Затем сдадите машину в транспортном агентстве. Поселитесь в Париже по известному вам адресу. Там сейчас живет Анри Буфо, он работает под художника.

При упоминании имени Буфо Донцов презрительно поморщился. Генри сделал вид, что не заметил этой гримасы.

– Будете следить в «Интернете» за сайтом объявлений о продаже музыкальных инструментов. Как только там появится еще одно сообщение о покупке виолончели, вы и Буфо выле-

таете в Прагу первым же рейсом. Раньше времени появляться в Праге не имеет смысла. Ждать самое долгое – день. Ясно?

Донцов молча кивнул головой. Генри продолжал: – Объявление – сигнал к тому, что операция вступила в завершающую стадию. Покупатели готовы скинуть товар и ждут только денег. Как только прибудете на место, вы становитесь резидентом группы и берете операцию под свой контроль. Теперь появились вопросы?

– Я уже сталкивался однажды с Буфо. Можно обойтись без этого малого?

– Вы профессионал и должны понимать, что каждый из нас – лишь сменный винтик в большом механизме. Если не будет Буфо, так будет другой человек. Но сейчас выбор не велик, потому что в запасе мало времени.

Двумя пальцами правой руки Генри придерживал кепку, которую ветер был готов сорвать с головы и унести прочь. Из левой руки он не выпускал толстый «дипломат», пластиковый темно коричневого цвета с номерными замками и блестящей хромированной ручкой.

– И, наконец, последнее...

Генри приподнял чемодан до уровня груди и похлопал по его крышке свободной рукой.

– Здесь деньги, – сказал Генри. – Точнее, смешные деньги. И вы должны это знать.

– Смешные? – переспросил Донцов.

Об этом повороте событий его не предупреждали. До этой минуты он был уверен, что с продавцами должны рассчитаться подлинными купюрами, а не фальшивками.

– Это решение было принято буквально в последнюю минуту. Сто долларовые купюры старого образца. Качество денег очень хорошее. Блестящее качество. От оригинала их можно отличить только при помощи специальной аппаратуры, которая есть не в каждом банке. И, разумеется, такой аппаратуры не окажется у покупателей.

Донцов принял чемодан.

– Прощайте, – сказал Генри.

Теперь он снял перчатку и протянул руку Донцову, пожатие оказалось крепким. Резко повернувшись, Генри зашагал к машине, одной рукой придерживая кепку. Донцов постоял на месте еще минут пять, ожидая, когда Генри уедет, неспешно двинулся к другому причалу. Там, стоя под портовыми кранами, уже сигналил длинными гудками огромный белый паром.

Глава пятая

Прага, Новый город. 3 октября

Узкий дом в два подъезда с обшарпанным фасадом и черепичной крышей находился на тихой улице в трех кварталах от Национального музея. Здесь на третьем этаже помещалась конспиративная квартира, давно пустовавшая. Квартира была куплена несколько лет назад на имя некоего пана Туновского, коммивояжера, который по роду своей профессиональной деятельности и в прежние времена бывал в Праге раз в пятилетку, а сейчас и вовсе исчез.

Вечером дождь, ливший из дырявых туч, неожиданно кончился. Колчин, прошагав до угла, где светилась тусклыми неоновыми буквами вывеска пивного погребка, остановился, прикурил сигарету. Снизу, из пивной, доносились звуки аккордеона и нестройный хор мужских голосов, пытавшихся грянуть какую-то песню. Колчин задрал голову кверху, разглядывая окна третьего этажа на противоположной стороне улицы. Свет горит, значит, Ярослав Пачек на месте.

Колчин перешел улицу, прочитал табличку, прикрепленную на фасаде: «Ветеринарная лечебница в подвале». Он потянул на себя массивную дверь подъезда, над головой заскрипела ржавая пружина. На площадке первого этажа, освещенной пыльной лампочкой, Колчин столкнулся с неряшливой старухой с длинной крысиной физиономией, обвязанной шерстяным платком. Старуха опустила голову, шмыгнула куда-то под лестницу и исчезла.

Лифта в доме не оказалось. По темной лестнице Колчин, хватаясь за железные перила, поднялся на третий этаж, нащупал кнопку звонка, надавил на нее пальцем. Звонок отозвался странным неприятным звуком, будто проббили склянки в треснувший судовой колокол.

Ярослав Пачек открыл дверь и пропустил гостя в просторную прихожую.

В квартире не чувствовалось запахов человеческого жилья, здесь пахло пылью, спертым застоявшимся воздухом и, как ни странно, густым аптечным духом. Видимо, плохо работала вентиляция, и наверх попадали запахи ветеринарной лечебницы. Бросив плащ на стул, Колчин прошел в большую комнату с высокими потолками, сел на старый продавленный диван и осмотрел просторную комнату.

Обстановки нет вовсе, два окна, выходившие на улицу занавешены плотными бордовыми гардинами, под потолком старомодная люстра, темные полосатые обои выщвели, местами отклеились и висели клочьями.

Пачек прошел следом, упал в единственное кресло и сгреб в колоду игральные карты с трехногого журнального столика. В отсутствие Колчина, он коротал время за пасьянсом. Пачек, потер ладони: его живая натура не позволяла сидеть без дела лишнюю минуту.

– Итак, приступим, – сказал он.

Пачек нагнулся, вытащил со второго яруса журнального столика чистый лист бумаги, написал на нем два имени: владелец автосалона Юлиус Бареш и управляющий музеем «Водичков» Карл Яночка. Пачек пронумеровал имена. Список получился коротким, короче некуда.

– Вот два человека, которые нам точно известны, – Пачек потерял усы с проседью и благородную профессорскую бородку. – Наверняка в игре принимает участие какое-то третье лицо, которое мы пока не установили. У Бареша и Яночки должен быть, по крайней мере, еще один помощник. Кто он, мы не знаем. Кстати, вы встречались с Барешем. И как впечатление?

Пачек разорвал листок вдоль и поперек, чиркнул спичкой и положил горящую бумагу в пепельницу.

– Ясно одно: мы имеем дело с дилетантами, – ответил Колчин. – Наши противники не представляют себе, что за информация попала им в руки, какова ее реальная цена. Вчера я встретился на Старом еврейском кладбище с Барешем. Сегодня утром мы увиделись второй

раз и обсудили конкретные детали будущей сделки. Вот, послушайте. Самый содержательный момент беседы.

Колчин вытащил из кармана, положил на столик диктофон, нажал на кнопку «пуск». Видимо, выносной микрофон, которым пользовался Колчин, оказался весьма чутким. При воспроизведении можно было слышать человеческие шаги по гравиевой дорожке, шорохи дождя, стучащего в купол раскрытого зонта.

Бареш говорил низким простуженным голосом: «Поймите, я только посредник, я маленький человек, – он откашлялся. – Я имею свои комиссионные с этой сделки. Но не более того. И заинтересован в том, чтобы вы знали все условия, которые выдвигает мой наниматель пан Петер». «Ну, насчет суммы мы уже договорились», – ответил Колчин.

«Нет, теперь я о другом, – сказал Бареш. – Пан Петер настаивает на том, чтобы передача денег состоялась через два дня в семь часов вечера в замке „Водичков“. Вы подъедете на машине к главному входу, там я и буду вас ждать. Проведу вас к пану Петеру. Второе: в вашей группе не должно быть больше двух человек. Этот вопрос я уже обсуждал с паном Петером, он настаивает на своем. Я отвечаю за его безопасность и мне не нужны лишние проблемы. Вас устраивают эти условия?»

Долгая пауза, слышно, как потрескивает гравий под подошвами башмаков, шум автомобилей на далекой улице. Тяжелые дождевые капли, кажется, падают прямо на микрофон. «Понимаю, в таких деликатных делах нужна осторожность, – после долгого раздумья ответил Колчин. – Я расскажу о ваших условиях своему спонсору. Сегодня же вечером позвоню вам домой, скажу „да“ или „нет“. Если вы хотите встретиться именно в музее... Именно через два дня... Думается, проблем не возникнет».

Колчин выключил диктофон, вытащил кассету, положил ее в пакет, где лежало еще несколько исписанных кассет и отснятых пленок, передал пакет Пачеку. Сегодня посылка уйдет в Москву. – А Барешу не показалось подозрительным, что вы в ходе переговоров не пытались сбить цену? – спросил Пачек.

– Ели бы я начал вести мелочный торг, только хуже сделал.

– Бареш общался по телефону только с Яночкой. Тогда кто же этот пан Петер?

– Это третий сообщник. Личность выясним. А что удалось узнать об этом типе Карле Яночки?

– Он занимает должность управляющего музеем «Водичков», – начал Пачек. – Собственно, это даже не музей, а замок средневековой постройки в тридцати километрах от Праги.

Пачек вынул из кармана и передал Колчину несколько цветных открыток, на которых можно разглядеть высокие крепостные стены, сложенные из светло серого природного камня, ворота, украшенные фамильным гербом. Пачек рассказал, что музейный комплекс – это несколько сторожевых башен, которые соединяют крепостные стены. Получается замкнутое пространство. Внутри него некогда располагалась католическая церковь, которую снесли много лет назад. Сохранились старинные надворные постройки и непосредственно замок, закрытый стенами.

В замке два этажа, много комнат, где размещена коллекция средневекового оружия, рыцарских доспехов и также экспозиция старинных ковров, картин и гравюр. Замок построен в начале семнадцатого века, с тех пор его несколько раз перестраивали, реставрировали, двухскатную кровлю сделали из жести, а не из медного листа, так что от подлинного средневековья мало что осталось.

Несколько раз в день перед крепостными стенами останавливаются автобусы с туристами. Люди проходят через главные ворота, покупают билеты и около часа любуются помещениями замка, гобеленами и картинами. На самом деле никаких музейных ценностей в замке и помине

нет. Вся экспозиция, в том числе картины, мечи, кинжалы и прочее, – это новодел, копии, не очень искусная подделка под старину. Но туристам ведь надо что-то показывать. Иначе за что же они платят деньги.

Раньше замок и крепость являлись государственным памятником. Позднее, когда начался передел собственности, в Германии отыскивали потомков прежних владельцев замка и передали недвижимость в частное владение. Наследниками, на которых неожиданно свалилось богатство, оказалась немецкая семья Гочаров, которая давно забыла свое аристократическое происхождение. Немцы приехали в Чехию, вступили в права наследства, одно время обосновались в замке и пытались вести жизнь современных феодалов. Но быстро истратили последние деньги, прогорели на всех начинаниях и убедились, что содержать замок им не по карману.

На собственность нашлись покупатели. Но Гочары не захотели расставаться с замком, они были вынуждены устроить там музей, организовать экскурсии, продажу сувениров, открыли летнее кафе. Почти вся прибыль без остатка идет на содержание замка и крепости. Сами Гочары возвратились на родину и стали, как и прежде, ходить на государственную службу. В Германии они нашли нынешнего управляющего музеем Карла Яночку, с которым поддерживали приятельские отношения.

Пан Яночка занимает часть второго этажа трехэтажного дома рядом с замком. Здание построено лет двадцать назад и находится с наружной стороны крепостной стены. На первом этаже контора музея, в квартирах живут служащие музея, его подчиненные.

Яночка работает на бойком месте. В замке за один день проходит несколько экскурсий, в каждой двадцать пять туристов, а летом за одно посещение приезжает и пятьдесят человек. В музее восемь постоянных сотрудников, летом на временную работу нанимают еще десять человек. Кроме того, почти ежедневно Яночка встречается с реставраторами, художниками, садовниками. Любой человек, с которым Яночка поддерживает контакт, может быть замешан в деле.

Пачек не поленился пройти по замку с одной из экскурсий, прикидываясь любознательным зевакой, побродил по территории, но некоторые уголки комплекса так и не смог увидеть, быстро кончилось время экскурсии. Музейный комплекс не велик, скорее это даже не замок, а небольшое феодальное поместье. Подробный план замка и крепости можно найти в буклетах, купленных Пачеком в лавке сувениров. Но не весь план. Не весь...

Судя по рассказам экскурсовода, под замком имеются обширные подземные помещения, оставшиеся с незапамятных времен: галереи, винные погреба, какие-то казематы, есть даже пыточные камеры. Вниз экскурсантов не пускают, да и служащие музея туда не спускаются, потому что подземные коммуникации плохо сохранились. Местами обвалились своды потолка, разрушились стенки тоннелей, а точной карты подземных ходов до наших дней не дошло.

Катакомбы окружены массой пугающих слухов и легенд. Поговаривают, что там, брошенная в цилиндрическую пятиметровую яму, молодая мать заживо съела годовалого младенца и выпила его кровь. А потом сама была съедена крысами. Полы пыточных камер будто бы устланы костями погибших там жертв, а жирная земля на метр в глубину пропитана кровью и удобрена человеческой плотью.

Впрочем, все это выдумки для того только и нужны, чтобы пугать детей и слаонервных дамочек.

Что же касается личности хранителя музея, то сведения отрывочны. Родился в Праге, родители эмигрировали на запад, когда сыну исполнилось шестнадцать лет. Яночка вырос в Германии, получил образование искусствоведа, работал в каком-то провинциальном заштатном музее. Когда два года назад он через тех самых неожиданно разбогатевших немцев, хозяев замка, получил здесь выгодную работу хранителя музея, жена Яночки не захотела ехать в Чехию вместе с мужем. Сведений о детях, близких родственниках, любовнице пока не имеется.

Установить прослушивающую аппаратуру в доме Яночки в принципе реально, но на это уйдет время. Возможно, три дня. Возможно, неделя. Но одной прослушки мало: чтобы проследить все контакты хранителя музея, потребуется много времени. И, разумеется, большие силы и средства. Но лишнего времени и денег нет.

Вот и все, что удалось накопить.

Туристов в музей пускают пять дней в неделю, Бареш не случайно настаивал на том, чтобы передача денег состоялась послезавтра на территории «Водичкова». В этот день музей не работает, экскурсии не водят. Служащие отдыхают. Словом, лучшего места для расчета не сыскать.

Пачек вытащил из кармана и передал Колчину несколько фотографий, сделанных накануне. Дюжий мужчина в линялых джинсах, продранных на коленях, и светлой куртке с закатанными по локоть рукавами стоял на фоне каменной стены, общаясь с какими-то стариками, видимо, туристами. Собеседники Яночки в сравнении с ним казались пришибленными недоростками. Голые предплечья музейщика словно вырубил из суковатого дубового бревна, а об налитую шею можно погнуть лом.

Яночка напоминал не хранителя раритетов, а рубщика коровьих туш из мясной лавки.

Колчин глянул на фотографии и бросил их на стол.

– Хотите знать мое мнение о нашей операции? – вдруг спросил Пачек. – Мне она с самого начала не по душе. У меня дурное предчувствие.

– Наше дело – действовать, мозгами пусть работают другие парни, – поморщился Колчин.

– Я понимаю, что план разрабатывали в Москве, над ним трудились не самые глупые люди. Но... Но слишком много неизвестных величин, белых пятен. Подумайте: как попала информация о нашей агентуре к посторонним, далеким от разведки людям? От погибшего связника, от Юрая Хорличека? Возможно. Но как эти люди узнали о том, что Хорличек очень осведомленный человек и многие годы работает на Москву? Ответа нет. Все это пахнет, знаете чем? Дерьмом.

– Слушайте, у меня тоже есть свои сомнения, свои соображения, но я их держу при себе.

– И еще вопросы остаются, – Пачек завелся, он не слушал возражений. – Весь план очень сырой. У нас мало информации, поэтому мы играем втемную. Стоило бы потратить время, выяснить контакты Бареша и Яночки. Пусть даже на эту затею уйдет много времени. Наконец, нужно навести справки об их родственниках, чтобы в случае чего... Ну, вы понимаете: нужна страховка. И только потом передавать им деньги или действовать как-то по-другому.

– Ваша правда, – Колчин помрачнел. – Но мы в цейтноте. А как бы вы действовали, если сами разработали операцию? – Я бы предпочел простые решения сложным. Проще это не значит глупее, это значит эффективнее. Бареш и этот музейщик Яночка отъявленные подонки и мрази. Кроме того, они плохо представляют себе, с кем связались. Поэтому поступать с ними надо соответственно. Организовать похищение Бареша и Карла Яночки, накачать их транквилизаторами. Вывести в Польшу. Из Гданьска на русском торговом корабле переправить в Калининград. Оттуда специальным авиарейсом в Москву.

– А дальше допросы?

– Вот именно. Два-три допроса – и эти люди сломались. Тут особых усилий не потребуются. Они бы ползали на брюхе, просили о пощаде, лизали ботинки конвоирам. Они рассказали бы все, что знают. Выдали все свои связи, всех помощников. И тогда без особой спешки этих помощников можно было выследить и... И закруглить операцию. Трупы уничтожить в промышленной печи мусоросжигательного завода.

– Решения принимаем не мы.

Колчин раздавил в пепельнице окурок и поднялся на ноги.

– Пойду. А то хозяйка моего пансиона пани Новатны решит, что я сексуальный маньяк. Уже решила.

– К пани Фабуш в гости не зайдете?

– Сегодня хочу выспаться, – усмехнулся Колчин. – Ей я объяснил, что все силы из меня высосала сельскохозяйственная выставка. Торговля овощами это, знаете ли, утомительное занятие.

Пачек проводил Колчина в прихожую, попрощался с ним за руку и запер дверь. Сам Пачек уйдет из квартиры через сорок минут. Он вернулся в комнату, погасил свет. Встав у окна, отдернул занавесу. Наблюдал, как Колчин перешел улицу и скрылся за углом противоположного дома, на котором мерцала вывеска пивного погребка. Пачек посмотрел на стрелки наручных часов. До ночной встречи с агентом, работавшим под дипломатическим прикрытием, еще оставалось много времени.

Пачек сел в кресло, положил ноги на журнальный столик. В пустой квартире установилась гулкая кладбищенская тишина, от которой звенело в ушах. Пачек прикурил сигарету, его душу томили тяжелые предчувствия, а мысли были не радостными.

Колчин вернулся в пансион в двенадцатом часу ночи. По дороге от конспиративной квартиры он посетил тихую улицу, где располагался «Аметист». Света в окнах конторы не было. Колчин забрался в грузовой отсек микроавтобуса, надел наушники. Магнитофоны записали разговоры сотрудников конторы в послеобеденное время. Колчин прокрутил записи и убедился, что в его отсутствие Бареш только дважды разговаривал по телефону.

Обе беседы касались продажи автомобилей. Судя по счетчику ленты, работающему в режиме реального времени, хозяин смотался из своей лавочки в половине седьмого вечера. Куда же он направился? Колчин вытащил из кармана трубку мобильного телефона, набрал домашний номер Бареша. Оказалось, он на месте, ждет звонка.

– Мой спонсор согласен на ваши условия, – сказал Колчин.

– Приятно слышать, – Бареш не скрывал радости.

Нажав на отбой, Колчин вылез из фургона, запер дверь, поехал в пансион. Пани Новатны не спала даже ночами. На этот раз она даже не стала тратить слова осуждения на распутного постояльца. Только посмотрела на Колчина брезгливо, как на раздавленную крысу. И бросила на стойку ключ.

Как ни странно, горячую воду в мужской душ дали. В новом махровом халате Колчин вернулся в номер, повернул ключ в замке и приставил к двери стул. Не зажигая света, он разделся, накрылся одеялом, положил под подушку пистолет. Но сон долго не шел, Колчин ворочался на жестком матрасе. Напрасно он пил крепкий кофе. Ветер крутил железный флюгер на крыше дома через улицу. По жестяному подоконнику стучал дождь, под оконную раму забивался холодный ветер.

Колчин поднялся, включил телевизор и уставился на экран. После полуночи крутили фильм ужасов. Сюжет оказался невразумительным, с каким-то глубоким, ускользающим от человеческого понимания подтекстом. Герои фильма говорили, говорили и снова говорили... Время от времени, в перерывах между разговорами, показывали разложившийся труп, по которому ползали черви. Колчин лежал без сна, он жалел, что не поехал ночевать к Миле Фабуш, и тосковал. От такой жестокой тоски лошадидохнут, не то что люди. Но, кажется, что во всем городе не осталось, ни одной живой лошади, ни, то, что живого человека.

Париж, авеню Монтень. 4 октября

Анри Буфо, гостеприимством которого уже вторые сутки злоупотреблял Донцов, занимал чердак, который почему-то называют студиями. Чердак – это большая комната с крошечной кухней, устроенной в нише. И еще есть ванная с круглым окном, из которого видны крыши

соседних домов. Скошенная стена комнаты полностью застеклена, дверь ведет на загаженный голубями балкон, где дрожат от порывов ветра готовые улететь пластиковый стол и пара стульев.

На балконе в безветренные дни можно было принимать пищу и кормить птиц. В комнате стоит лишь двуспальный диван, мягкий стул и кресло. Половину свободного пространства занимают сваленные на полу картины Буфо, написанные маслом. Эта мазня не находит сбыта и загромождает комнату.

Сегодня целый день Донцов листал старые журналы, и каждый час забирался в портативный компьютер проверить, не появился ли сигнал к началу операции. Но в Москве почему-то медлили. Буфо не умел ждать, он вслед за Донцовым садился к компьютеру, искал объявление о виолончели, с досады плевал на пол. Перед ужином он вытащил из штабеля своих картин очередное полотно, показал Донцову портрет какого-то человека в очках.

– Ну, как, нравится? – спросил Буфо. – В жизни у него тройной подбородок, грыжа и куча дурных болезней. Но эти элементы в картину не вошли.

– Рама хорошая, – отзывался Донцов. – Остальное – не знаю.

Буфо был завербован русской разведкой семь лет назад, он легко пошел на контакт. Тогда Буфо был заражен анархическими идеями, искренне презирал сытое буржуазное общество, любил риск и шальные деньги. С тех пор его взгляды мало изменились. Буфо использовали для грязной работы.

Но другую работу, где требовалась крупница ума, терпения и рассудительности, он выполнять все равно не мог. Он человек настроения и может заниматься только тем, к чему у него душа лежит, то есть индивидуальным террором и той мазней, которую именует живописью. К операции Анри привлекли лишь потому, что его отец был родом из Праги. Буфо неплохо знал чешский язык. Прошлую ночь Донцов, по праву гостя спал на диване. Буфо устроился на полу, долго ворочался, в воздухе плавал густой табачный дым, а в темноте дрожал оранжевый огонек сигареты. Он проснулся чуть свет, растолкал Донцова и заказал завтрак на дом в ближней закусочной.

Вероятно, в добрые старые времена на этом чердаке ютилась какая-нибудь служанка, которая кормила и обстирывала богатых буржуа. С тех пор парижские чердаки здорово выросли в цене, Донцов точно знал, что студия стоила более восьмидесяти тысяч долларов, но Буфо не заплатил, ни франка, деньги перевели из центра. Время от времени здесь встречались связники с агентами нелегалами, потому что лучше места для конспиративных встреч не найти. Сутки они прожили отшельниками: не выходили из дома, Буфо не поднимал трубку трезвонящего телефона и заказывал еду в ближней забегаловке. Когда Буфо поглощал пищу, на него было неприятно смотреть. Худой и длинный, с засаленными патлами до плеч, он не ел, а жрал. Демонстрировал какой-то совершенно нечеловеческий, животный аппетит, будто никогда не пробовал жилистых бифштексов и рогаликов с маслом.

Разобравшись с ужином, Буфо сказал: – Так вот, прихожу я к тому типу, к булочнику. Ну, к своему должнику. А он и говорит: у меня нет денег. Нет денег, хоть руку мне руби, хоть голову отрезай. Нет – и все. А когда заказывал картину, деньги были.

Буфо надолго замолчал, засунул в рот длинные пальцы. Пока тянулось молчание, Донцов успел выкурить сигарету.

– Потом я, – Буфо снова запустил зубочистку глубоко в пасть, выудил мясное волокно и сплюнул на пол. – Потом я ему голову отрезал. Ножичком. Се ля ви.

Донцов засмеялся, представив себе кровавую сцену: разъяренный художник отрезает голову клиенту, не пожелавшему в срок расплатиться за собственный портрет. Отсмеявшись, раскрыл вчерашнюю газету, перевернул пару страниц.

– Шучу, – сказал Буфо. – Я ему отрезал указательный палец. Он ведь сам об этом просил. Ну, что-нибудь у него отрезать. А денег за картину я так и не получил. Напрасно испачкался.

Буфо выплюнул зубочистку, взял со стола дротики и с расстояния в десять шагов стал кидать ими в круглую мишень, висящую на стене. С меткостью у Буфо было все в порядке. Из восьми брошенных дротиков, четыре попали в девятку и десятку. Буфо вытащил дротики из мишени, отступил на прежнюю позицию.

– Волнуешься? – спросил он.

Донцов не сразу понял вопрос, а когда понял, не стал отвечать.

– Возможно, нас не сегодня, так завтра подстрелят, – Буфо метнул дротик и попал в яблочко. – А ты даже не волнуешься?

Буфо положил дротики, вытащил из-за стоявшей на полу картины пневматический пистолет, вставил в ручку обойму с шариками и баллончик со сжатым воздухом. Поставив на картины коробку из-под пиццы с кругом посередине, выпустил в нее все десять зарядов. Как всегда, Буфо был точен.

– Я так понял, что сначала надо передать деньги клиентам, – Буфо снова стал заряжать пистолет шариками. – Бареша и хотя бы одного из его друзей нужно взять живыми. И в таком виде, чтобы они еще могли говорить. Ну, какое-то время. Так?

– Так, – кивнул Донцов.

– Вы еще не видели, как я стреляю с левой? – Буфо заряжал пистолет, набирая пластмассовые дробинки из пакетика. – Про таких, как я, говорят: он человек, у которого обе руки – правые.

Буфо установил коробку, отступил на самую дальнюю дистанцию, к противоположной стене комнаты, переложил пневматический пистолет в левую руку.

– Ну, теперь смотрите.

Буфо вскинул руку с пистолетом. Дробины разорвали картон точно в середине рисунка. Десять дырок одна рядом с другой. Буфо ждал похвалы.

– Дай-ка я попробую.

Донцов встал, отошел к стене. Буфо зарядил пистолет, вставил в рукоятку новый баллончик с углекислым газом, поставил на место испорченной коробки целую. Донцов поднял левую руку, одну за одной выпустил в коробку десять дробинок, целя в середину круглого рисунка. Но заряды разошлись по периметру. Центр коробки оказался разорванным лишь в двух местах.

– М-да, – сказал Буфо. – С левой у вас не все в порядке.

Донцов сел на диван, и долго смотрел, как за стеклянной стеной, похожей на магазинную витрину, сгущаются синие вечерние сумерки. Затем встал, надел пиджак, вышел на балкон. Здесь дул холодный ветер и накрапывал дождь.

Обхватив ладонями железные перила, Донцов долго смотрел вдаль, где зажглись фиолетовые огоньки на бульварном кольце. Отсюда роскошный вид: видна даже зеленая крыша Гранд Опера. Одно плохо: в Париже абсолютно за все надо платить, в том числе за вид из окна. Это город, где легко потратить деньги и трудно их заработать. – Есть, – Буфо высунул голову на балкон. – Есть объявление. Поступило на сайт семь минут назад.

Донцов вернулся в комнату, сел на диван, наклонился к компьютеру, прочитав на экране пару строк: «Принимаю подержанные виолончели с дефектами грифа и деки для последующей реставрации. Оплата умеренная. Современными музыкальными инструментами не интересуюсь». Далее следовал адрес электронной почты. Донцов дал ответ: «Вы только реставрируете инструменты или их покупаете?». В центре поймут, что нужное объявление прочитали, а Донцов и Буфо вылетают на место уже сегодня.

Донцов закрыл компьютер, поднял голову, окинул взглядом Буфо. Художник разволновался. Его бледная физиономия сейчас порозовела.

– Ну, порядок, – мигнул одним глазом Донцов. – Дело начинается послезавтра в семь. Мы успеем на последний рейс.

Глава шестая

Замок «Водичков», 6 октября

Из Праги до замка «Водичков» около часа пути. Колчин и Донцов прибыли на место с тем расчетом, чтобы в запасе оставался какой-то минимальный запас времени.

Музейный комплекс расположился на холме, дорога огромным штопором поднималась вверх и заканчивалась плоской асфальтированной площадкой перед воротами замка, оборудованной для стоянки больших туристических автобусов. Сейчас здесь стояло два легковых автомобиля и фургон «Фольксваген» с логотипом пражской телефонной службы на кузове. Сувенирная лавка и стеклянный павильон кафе заперты. Не видно ни одного человека.

Сидевший за рулем Колчин остановил «Фиат» в двадцати метрах перед воротами, посмотрел на часы. Впереди еще четверть часа томительного ожидания. Тяжелые тучи спустились совсем низко, в мокром асфальте отражалось серое небо.

– С погодой нам точно повезло, – усмехнулся Колчин.

– Еще бы, – машинально ответил Донцов. Он сидел впереди, рядом с водителем, чемодан со «смешными» деньгами лежал на коленях. Донцов провожал взглядом дождевые капли, сползающие по лобовому стеклу, и разглядывал ворота замка, сваренные из железных листов и сверху обшитые деревом. Вчера он познакомился с Колчиным и Пачеком, которых видел впервые в жизни. На конспиративной квартире, что возле Национального музея, они совещались около трех с половиной часов без перерыва. Утром через посольского связного Пачек получил короткие инструкции из Москвы, которые оставляли возможности для самостоятельных решений и импровизации.

Группе предписывалось выйти на встречу с заинтересованными лицами, вручить им деньги, получив взамен списки русских агентов нелегалов и еще какие-то документы, которые обещал принести Бареш. Затем начинается силовой этап акции. Учитывая опасность Бареша и управляющего музеем Яночки, нужно соблюдать крайнюю осторожность. Центр ставил задачу выяснить личность загадочного пана Петера. А также установить всех возможных сообщников Бареша и Яночки.

Без десяти минут семь Донцов вытащил из кармана мобильный телефон, нажал кнопку. Голос Пачека звучал ровно и спокойно.

– Все в порядке, – сказал Пачек. – Мы работаем внутри. Давайте проверим микрофоны.

В воротнике шерстяной куртки, которую надел Донцов, был вшит миниатюрный радиомикрофон. Такой же микрофон вшили в воротник плаща Колчина. Негромким голосом Донцов вслух досчитал от одного десяти, поднес к уху трубку мобильного телефона.

– Как слышно?

– Без помех, – ответил Пачек. – Желаю удачи.

Донцов сунул телефонную трубку в карман, снова посмотрел на часы. Бареш должен появиться через четыре минуты. Донцов молчал, потому что все слова уже были сказаны. Дождь сильнее застучал по крыше автомобиля, черная туча, выплыв из-за крепостной стены, заслонила собой небо. Потемнело, будто наступил поздний вечер.

Пять минут восьмого Бареш вышел из калитки, сделанной в воротах, увидел бордовый «Фиат» и замахал рукой. Без головного убора, в черном дождевике из-под которого торчал белый воротник сорочки, Бареш напоминал католического священника. Колчин и Донцов вышли из машины, и заспешили к воротам. Именно в эту минуту дождь припустил с новой силой. Бареш пожал гостям руки: – Знакомьтесь. Это господин Эдвард Лэнд, – представил Донцова Колчин. – А это пан Бареш.

Мясистое лицо Бареша расплылось в улыбке. Он обеими руками схватил ладонь Донцова и с чувством потряс ее.

– Очень приятно, – сказал Бареш, он распахнул калитку в воротах, пропустил гостей вперед и остановился. – Господа, вам не о чем беспокоиться. Вот увидите, все будет хорошо. Пан Петер порядочный человек.

– Не сомневаюсь, – сказал Донцов. – Здесь романтическое место.

– И очень спокойное, – добавил Бареш. – Раньше перед крепостными стенами был ров, но его засыпали. Деньги при вас?

Вместо ответа Донцов чуть приподнял увесистый чемодан. Здесь, под крепостными воротами, было сухо. Донцов стер с лица дождевые брызги.

– Прекрасно, – сказал Бареш. – Вы вооружены?

– У меня пистолет, – ответил Донцов.

– Оружие придется оставить наверху, – улыбка сошла с лица Бареша. – Иначе ничего не получится. Не волнуйтесь, вам здесь не угрожает никакая опасность. Это лишь мера безопасности. Так будет спокойнее и вам и пану Петеру. Договорились?

– Хорошо, – кивнул Донцов.

– Тогда пойдете, – забежал вперед Бареш.

Пройдя под воротами, они оказались в квадратном дворе, вымощенном каменными плитами и обсаженным по периметру кустами шиповника. Впереди крепостная стена, справа какие-то приземистые одноэтажные постройки с воротами и темными окнами, то ли конюшни, то ли дом для слуг. Справа поднимался портал замка, украшенный рельефными фигурами двух всадников в рыцарских доспехах, поднимающих в руках древний земский герб: капустный лист на рыцарском щите. Перед каменным крыльцом замка на высоких постаментах из полированного гранита стояли каменные фигуры плачущих дев в ниспадающих одеждах. Колчин и Донцов, изучившие территорию по буклетам и фотографиям, неплохо ориентировались на местности. Бареш повернул направо, к замку. – Здесь темно, идите за мной. Пожалуйста, не оступитесь.

Бареш поднялся на крыльцо, остановился перед высокими, в два человеческих роста, арочными дверями, потянул за ручку в виде кольца. Когда одна из дверей распахнулась, первым вошел в помещение, очутившись в тесном предбаннике. За первой дверью была вторая, точно такая же.

То ли в замке экономили электричество, то ли полумрак здесь считали частью мрачного средневекового интерьера, но первый зал освещали всего два тусклых светильника. В их свете можно было разглядеть широкую прямую лестницу, уходящую наверх, в кромешную темноту, две колонны и каменные стены, увешанные скрещенными мечами и щитами.

– Это рыцарский зал, – объявил Бареш и показал рукой вперед.

Там, в углу зала стоял огромный комод ручной работы. Бареш подошел к комоду, выдвинул верхний ящик.

– Прошу вас, положите оружие сюда, – сказал он. – В замке никого нет. Кроме вас и меня. Пан Петер не вооружен, и я тоже.

Донцов вытащил из внутреннего кармана самозарядный пистолет чешского производства «Взет – 52», положил его в ящик. Бареш виновато потупил взгляд, шагнул к Колчину.

– Простите, но я должен вас обыскать.

– У меня нет оружия, – сказал Колчин.

– Я хочу в этом убедиться. Не волнуйтесь, я понимаю, с кем имею дело. Понимаю, что вы за люди. Но вас здесь никто не обидит. Я отвечаю за вашу безопасность головой. Это ведь в моих интересах.

– Хорошо, что вы это понимаете, – отозвался Донцов. – Наша безопасность – это ваша безопасность.

Бареш быстро прошупал карманы Колчина, запустил руки под плащ, убедился, что за поясом нет пистолета. Присел на корточки, пошлепал ладонями по карманам брюк, по бедрам, по голениям. Бареш выпрямился, подошел к Донцову.

– Теперь ваша очередь.

Донцов кивнул. Бареш повторил только что проделанные манипуляции и, кажется, остался доволен результатом обыска: его не обманули. Кроме того пистолета, что лежал в ящичке комода, гости ничего не принесли.

– Пожалуйста, за мной, сюда, – сказал Бареш.

С раннего утра Пачек и Буфо были на ногах. Переодетые в синие комбинезоны и фирменные шапочки служащих государственной телефонной компании, на фургоне «Фольксваген» они подъехали к подножью холма, на котором стоял музей. Будка телефонной подстанции находилась в укромном тихом месте, метрах в пятидесяти от шоссе, за развесистой старой ивой, закрывающей обзор со стороны дороги.

Буфо пневматическими ножницами срезал навесной замок с железной двери. Пачек вошел в будку, распотрошил толстый кабель на отдельные провода, прозвонил телефонные линии, пока не нашел нужный провод. Он удалил пластмассовую и бумажную оплетку на уровне земли, затем подсоединил к проводу прибор акустического зашумления, работающий на портативном аккумуляторе. Пачек вытащил из кармана мобильный телефон, набрал номер музея. Кто-то снял трубку, сквозь треск помех можно было расслышать мужской голос, однако слова оставались неразборчивыми.

– Але, але, – прокричал Пачек в трубку. – Это беспокоят из телефонной компании...

Мужчина что-то прокричал в ответ. Пачек нажал на отбой. Хорошая работа. Телефонная линия не выведена из строя, но помехи настолько сильные, что переговорить с кем-то из работников музея невозможно. Шумы исчезнут сами собой, когда сядет аккумулятор, то есть через десять-двенадцать часов. Пачек замаскировал генератор зашумления землей, Буфо повесил на будку новый замок. Они вернулись в фургон, взяв обратное направление, поехали в сторону Праги.

Остановились возле похожей на аквариум забегаловки, съели по большой порции кнедликов с гуляшом и подливкой. Пачек опрокинул две кружки слабоалкогольного пива, Буфо позволил себе рюмку «бехеровки». Он хмурился, помалкивал и сосредоточено жевал говядину, повесив нос над тарелкой. Закончив с едой, вышли из закусочной, сели в фургон и поехали в замок. К дому, на первом этаже которого располагалась контора музея, а на втором и третьем жили служащие, прибыли в десятом часу. Погода испортилась, пошел дождь.

Пачек переступил порог приемной управляющего, но Яночки не оказалось на месте, он уехал в Прагу по делам. В его кресле сидел лысый полный мужчина, назвавшийся заместителем управляющего паном Шпалой. Пачек развернул бумажку, положил перед Шпалой наряд и попросил расписаться внизу.

«Мы не вызывали мастеров с телефонной станции», – покачал головой Шпала, но в бумажке расписался. «Если вы не хотите, чтобы мы отремонтировали линию оставайтесь со своими помехами, – Пачек сунул бумагу в карман комбинезона и шагнул к двери. – Сами лазайте по всему вашему музею, ищите повреждения в линии. А мы уедем».

Шпала снял телефонную трубку, приложил ухо к мембране и долго слушал треск, через который едва пробивался длинный гудок.

«Ремонтируйте, – он пожал круглыми плечами. – Я разве возражаю? А надолго это... Ну, ваш ремонт?» «Как получится», – ответил Пачек. «Ремонтируйте, – вздохнул Шпала. – Административный корпус – это здесь. А музей – вон он. Сегодня посетителей нет. Но вы должны все закончить до восьми вечера». «До восьми успеем», – ответил Пачек. Осмотр администра-

тивного корпуса телефонисты закончили через два часа, но повреждений в кабеле, сколько не искали, так и не обнаружили.

После полудня перебрались в музейный комплекс. В провожатые телефонистам Шпала выделил высокую костлявую женщину неопределенных лет, сказав, что она все покажет и объяснит на месте, если будут вопросы. Как выяснилось позднее, женщина приглядывала за садовниками и совершенно не разбиралась в телефонных схемах и устройстве сетей. Она моталась за телефонистами по всем уголкам музея, отпирала двери служебных комнат, подвалов и коридоров. К обеду, утомившись от долгой беготни, она объявила, что вернется часа через полтора, когда покормит детей, и ушла.

Пачек и Буфо, оставшись без присмотра, поднялись на крепостную стену, с высоты осмотрели окрестности. Отсюда виден дом, где находится контора музея, хорошо просматривается и внутренний двор. Людей нет, только два садовника, не прячась от дождя, какают внизу тачку, подсыпают торф под кусты шиповника и закрывают на зиму пленкой чахлые кустики роз.

Буфо спустился к фургону, вытащил длинную коробку, в которой завернутые в газеты лежали самозарядный карабин с оптическим прицелом, бинокль и три пистолета. Он поднял коробку на крепостную стену и долго выбирал удобное место, с которого хорошо простреливался внутренний двор музея.

Буфо остановил выбор на башенке над воротами в крепость. С этой позиции до любой точки во дворе не более двухсот двадцати метров. По большому счету, и оптика не нужна. Стрелка трудно заметить снизу.

Пачек тем временем осмотрел служебные помещения на первом этаже, нашел трансформатор и распределительный щит, через который снабжался электричеством не только музей, но и жилой дом. Если оба рубильника перевести в крайнее нижнее положение, без электричества останется весь музейный комплекс.

Вооружившись биноклем, Пачек поднялся на крепостную стену и стал наблюдать за окрестностями. В половине четвертого вечера приехала машина, из которой выбрался управляющий Яночка и какой-то незнакомый человек в шляпе и плаще. Пачек решил, что незнакомец – это и есть тот самый пан Петер, на которого затеяли охоту. Спутники скрылись в конторе. Спрятав коробку в нише, Буфо и Пачек спустились вниз и перекусили бутербродами в комнате для служебного персонала.

Женщина вернулась только в пять вечера, спросила, как дела и снова удалилась, напомнив, что работу нужно закончить не позднее восьми, в это время она вернется запереть калитку в воротах и включит сигнализацию.

Буфо остался внизу разыгрывать из себя телефонного мастера, Пачек снова забрался на стену и продолжил наблюдение. Каждый час он связывался с Донцовым и ему, как резиденту группы, докладывал обо всех перемещениях в музейном комплексе. В половине шестого рабочий день садовников подошел к концу. Они бросили под навесом тачку и лопаты, в служебном помещении переоделись в гражданскую одежду, сели в машину и укатили в город. Ровно в шесть приехал Бареш, он потоптался возле конторы и зашел в дом. В шесть тридцать Бареш и незнакомый мужчина, приехавший с Яночкой, вышли из конторы, через ворота прошли на территорию музея и скрылись за дверями замка. Незнакомец нес портфель, на вид довольно тощий. Сам Яночка так и не высунул носа из конторы.

Наверху дул холодный ветер, дождь то прекращался, то снова принимался. Пачек замерз и промок, но если впереди важное дело, неприятные ощущения пропадают сами собой. Вчера, когда были переданы последние инструкции из Москвы, он воспарял духом. План был простым, под стать тем, что придумывал сам Пачек. Когда внизу, на стоянке для туристических автобусов, остановился «Фиат», Пачек проверил связь с Донцовым, убедился, что микрофоны

исправны. Вытащив из коробки два пистолета, Пачек сунул оружие под комбинезон, по винтовой каменной лестнице спустился вниз, в служебную комнату, где сидел мрачный и сосредоточенный на своих мыслях Буфо.

«Пора начинать», – сказал Пачек. «Это можно», – отозвался Буфо.

Он вышел из комнаты, пересек двор, поднялся на крепостную стену, зашел в открытую башню над воротами, где был спрятан карабин, вытащил оружие и навинтил на ствол глушитель. Он натянул на голову шерстяную шапочку, вставил в ухо наушник, чтобы слышать переговоры, которые будут вести Донцов и Колчин. Буфо высунул голову из-за стены и стал смотреть на двор. Пачек через окно видел, как Колчин и Донцов в сопровождении Бареша прошли от ворот к замку и скрылись за парадной дверью. Он вышел из служебной комнаты в коридор, свернул за угол. В торце коридора находился распределительный щит. Здесь боевой пост Пачека.

Через наушник он слушал разговор, происходивший в рыцарском зале. Бареш настоял на том, чтобы Донцов оставил оружие в ящике комода. Тут не было ничего неожиданного. Когда Донцов или Колчин разберутся в ситуации, один из них должен произнести фразу: «Господа, я всю жизнь мечтал побывать в средневековом замке». В этот момент Пачек тянет вниз ручки рубильников, вырубает свет в замке и в конторе.

В темноте невозможно проверить деньги, все действующие лица должны будут выйти во двор, здесь хоть не очень светло, но можно отличить доллары от резаной бумаги. Буфо из своей башенки снимет Бареша прицельным выстрелом. Тут Пачек выходит на двор, передает пистолеты Донцову и Колчину, подгоняет фургон прямо к воротам, труп Бареша грузят в грузовой отсек. С незнакомцем все ясно, его тоже бросают в фургон и вывозят в пригород Праги, на тарный склад. Там в течение ночи его допросят, затем нужно будет избавиться от тела.

Но что делать с Яночкой? По всем расчетам управляющий музеем должен присутствовать при разговоре с покупателями, но он сидит в конторе и, кажется, не собирается оттуда вылезать. Видимо, телефонистам предстоит вернуться в контору, заставить Яночку сесть в фургон. Если Яночка заупрямится, пристрелить его на месте.

Пачек стоял в конце длинного коридора, у электрощита, слушал разговор и ждал.

Бареш обогнул лестницу справа. Колчин и Донцов, озираясь по сторонам, направились следом за ним. Под лестницей находилась двухстворчатая дверь с табличкой «вход запрещен». Толкнув створку двери, Бареш снова предупредил гостей, чтобы те двигались осторожно, не оступились. Оказавшись на тесной площадке, огороженной перилами, Бареш стал медленно спускаться вниз.

Лестница высокая, если человек плотной комплекции, вроде Бареша, оступится и загремит вниз, врач понадобится только, чтобы выписать справку о смерти. Донцов с чемоданом в руке шел вторым, за ним шагал Колчин. Деревянные ступеньки поскрипывали, хлипкие перила дрожали. Лестница оказалась длинной, в четыре марша.

В подвале пахло гнилью, винным грибком. Бареш задышал тяжело, с присвистом. Здесь, внизу, было еще темнее, чем в рыцарском зале.

Сверху на длинном шнуре свисала единственная лампочка в металлическом колпаке. Потолок комнаты, стены, углы тонули в темноте, поэтому трудно было представить размеры помещения. Пол оказался не каменным, а земляным. Посередине комнаты, точно под лампочкой, стоял длинный стол, за которым сидел незнакомый человек. Темно зеленый плащ, шляпа, тень которой закрывает все лицо. Других стульев или скамеек не видно. Донцов подумал, что гостям придется стоять перед этим человеком, словно просителям в кабинете чиновника.

Человек в шляпе словно угадал эти мысли. Он поднялся из-за стола, отодвинул стул: – Здравствуйте, господа. Можете называть меня Петер.

Донцов и Колчин подошли к столу. Петер нагнулся, вытащил из-под стола портфель из толстой кожи с потертými углами, расстегнул замочки. Он выложил на стол конторскую папку, развязал тесемки.

– Здесь документы, которые оставил мне по наследству человек, который всю сознательную жизнь работал на русских. Все его контакты, неотправленные шифровки и другие ценные бумаги. Много документов, очень много. Но, главное, здесь содержится полный список русских агентов. Есть копии агентурных расписок. Восемь нелегалов ушли на заслуженный отдых, другие и поныне сотрудничают с русскими. Вы можете взглянуть на бумаги, когда я увижу деньги.

Донцов поставил на стол чемодан, расстегнул замки. Пан Петер взял в руки пачку сто долларовых банкнот, вытащил верхнюю купюру, долго рассматривал ее на свет, тер слюнявыми пальцами и снова смотрел на свет. Затем он вытащил несколько пачек со дна чемодана.

Когда глаза Колчина привыкли к темноте, он разглядел два ряда шестиугольных колонн, подпирающих невидимый потолок. Справа – каменную стену, в стене темнели два низких дверных проема, напоминающие широкие крысиные норы. В правой стене тоже виднелась то ли дыра, то ли дверь. Видимо, из этого подвала во все стороны расходились подземные коридоры. Те самые галереи, пришедшие в негодность, с осыпавшимися стенами и сводами, о которых рассказывал Пачек. – Почему купюры старого образца? – спросил пан Петер.

– Не знаю, – ответил Донцов. – Вы понимаете, что это не мои личные сбережения. Это казенные деньги.

– Ладно, – сказал пан Петер. – Старые, новые... Не имеет значения.

Донцов наклонился над папкой, бегло просмотрел бумаги.

– Я бы хотел знать, как оказался у вас список русской резидентуры? – спросил он.

– Врать не хочу. А правду сказать не могу.

Буфо проторчал на крепостной стене всего полчаса, но успел замерзнуть. Здесь, наверху, дул пронзительный порывистый ветер, а дождевые капли падали на лицо и катились за воротник куртки. Буфо приложился к металлической фляжке с водкой, в желудке разлилось тепло. Но кисти рук задубели, пришлось греть ладони, засовывая их под комбинезон. Буфо боялся, что пальцы сделаются непослушными и он промажет, пуля пролетит мимо в тот момент, когда нужно бить в яблочко.

По всей длине крепостной стены была устроена пешеходная галерея шириной в полтора метра, вымощенная плитами. По обе стороны галереи поднимались стены из природного камня, достигавшие плеча. Из башенки над воротами Буфо наблюдал за внутренним двором. Затем, пригнув голову, чтобы оставаться незамеченным снизу, совершал короткую перебежку до угла стены. Оттуда виден дом, на первом этаже которого помещается контора музея.

Буфо не должен прозевать момента и быть наготове, если из конторы появится Яночка. Буфо позволит управляющему прошагать три сотни метров и прикончит его в тот момент, когда Яночка окажется на асфальтовом пяточке перед воротами. Чтобы наверняка...

Одновременно Буфо должен следить и за парадным крыльцом замка, не прозевать свою цель. Конечно, у него только два глаза, а не четыре, но следить сразу за двумя объектами не трудно. Нужно только не шелкать клювом, а бегать вперед-назад, от башенки до угла, как челнок, и тогда все получится. Через наушник Буфо слышал разговор, которой вел Донцов и человек, представившийся паном Петером, но не вникал в смысл беседы. Ясно одно: все идет по сценарию, развязка близка.

В очередной раз Буфо высунул голову из-за крепостной стены, бросил взгляд на двор: никого. Он поставил карабин, добежал до угла, выглянул из-за стены. Из конторы на улицу вышел заместитель управляющего Шпала. Встав под козырьком подъезда, Шпала прикурил сигарету. Видимо, ему не хотелось выходить под дождь, идти в замок и выяснять отношения с телефонистами. Шпала посмотрел на небо, бросил окурочек в урну и убрался обратно в дом.

Буфо присел на корточки, полез в нагрудный карман комбинезона. На дне фляжки еще плескалась водка, он отвинтил крышку и сделал пару глотков. Буфо поморщился, спрятал фляжку в карман и заспешил обратной дорогой. Дошагав до башенки, остановился, посмотрел вниз. Никого.

Тут Буфо услышал какой-то звук за спиной. Звук странный, будто камешек покатился вниз по ступеням лестницы. Буфо оглянулся.

– Эй, кто тут? – спросил он.

Молчание. Если свернуть за угол, попадешь на винтовую каменную лестницу, которая спускалась к воротам. Там, внизу, незапертая дверь, через которую можно попасть во внутренний двор замка. Буфо вытащил наушник из уха, прислушался. Но услышал лишь равномерный шум дождя, падающего на жестяную кровлю башни. Буфо повернулся лицом к лестнице, сделал несколько шагов вперед, повернул за угол.

Здесь темно, запросто можно оступиться и кубарем полететь с лестницы.

Буфо запоздало вспомнил, что не принес наверх электрический фонарик. И тут он увидел прямо перед собой темный силуэт человека, шагнувшего из-за угла. Яночка... Откуда он здесь? Человек вскинул руку, Буфо увидел, как тускло блеснула сталь охотничьего ножа. Буфо не успел увернуться, только шагнул назад.

Клинок ударился в левую сторону груди. И попал острием во фляжку из нержавеющей стали, соскользнул вниз.

Нож располосовал рабочий комбинезон. Буфо устоял на ногах, он хотел метнуться назад, к тому месту, где оставил карабин и пистолет. Но тут же, получил сокрушительный удар кулаком в лицо. На пару секунд Буфо ослеп от боли. Сила удара вытолкнула его на пешеходную галерею. Он упал спиной на мокрые камни, ударился головой о стенку. Не успев придти в себя, Буфо получил пару ударов носком ботинка в шею и в нижнюю челюсть. И тут нападавший повалился на Буфо сверху, тяжелый, словно каменная глыба. Буфо открыл глаза, он чувствовал, как рот наполняется горячей кровью, сочащейся из рассеченных губ.

Яночка расставил ноги и сжал бедрами грудь Буфо. Нож взлетел вверх и стал опускаться точно на горло. Буфо успел вскинуть руки, остановил движение ножа, отчаянно ухватился сначала одной, затем другой пятерней за предплечье Яночки. Музейщик тяжело запыхтел, оскалил зубы и зарычал, как зверь. Дождевые капли летели в лицо Буфо, попадали в раскрытые глаза. Он извивался, отталкивался подметками ботинок, стараясь вылезти из-под проклятого тяжеловеса.

Обеими ладонями он держал Яночку за предплечье правой руки, сжимающей нож. Но силы были не равны. Яночка наваливался на противника грудью, острие клинка медленно, сантиметр за сантиметром, приближалось к горлу Буфо. Яночка пыхтел, задыхался от натуги, он открывал рот, высовывая кончик языка.

Слюна капала с нижней губы. Буфо не понимал, что происходит. Он только успел подумать о том, что Пачек вчера поминал в разговоре какие-то подземные ходы, устроенные под музеем в незапамятные времена. Теперь ясно, о чем речь. Из конторы никто не выходил. Значит, управляющий музеем попал сюда не иначе как через подземный тоннель, соединяющий контору и замок.

Яночка свободной рукой обхватил горло Буфо, стал пальцами сдавливать кадык, норовя вцепиться в него мертвой хваткой и разорвать. Но пальцы скользили по мокрой коже. Буфо стал давить нижней челюстью на руку музейщика, но этот прием помогал слабо. Тогда Яночка резко дернул вверх руку с ножом, освободился от рук Буфо и тут же нанес новый удар. Буфо схватился ладонью за клинок ножа, Яночка снова дернул руку вверх. Буфо еще не почувствовал боли, но увидел свою глубоко порезанную ладонь, указательный палец повис на куске кожи. А безымянного пальца, кажется, и вовсе не было.

На секунду он потерял сознание, но через мгновение пришел в себя, почувствовав, как клинок входит ниже горла, меж ребер. Буфо дернулся всем телом, стремясь последним отчаянным усилием сбросить с себя противника. Но закашлялся, захлебнулся нахлынувшей кровью. Теперь Яночка, уже не испытывая активного сопротивления, продолжал мять, сдавливать пальцами горло противника.

Воздуха не хватало, Буфо хрипел и задыхался. Истекая кровью, он с каждым мгновением терял силы и уже не пытался выползти из-под Яночки. ...Буфо лежал спиной на мокрых каменных плитах. Капли дождя падали на лицо. Эти капли были горячими, жгли кожу, как кислота. Буфо открыл глаза. Дождь был необычным. Красного, нет, темно бордового цвета. Сквозь эту бордовую пелену Буфо видел, что Яночка с ножом в руке стоит над ним. Но вот музейщик наклонился. Последнее, что почувствовал Буфо, это острый болезненный укол в левую сторону груди.

В сердце словно раскаленную иглу вогнали...

Яночка вытер окровавленный клинок о комбинезон Буфо. Сейчас он жалел, что потерял много времени, затеяв эту опасную возню. Надо было стрелять в противника с расстояния в один шаг, а не налетать на него с ножом. Этот субъект оказался жилистым и сильным малым, Яночка едва одолел его, насилу пришил.

Отдышавшись, он взял карабин с глушителем и, хватаясь одной рукой за стену, чтобы не упасть, стал спускаться вниз по крутым истертым ступеням.

Глава седьмая

Пачек стоял у распределительного щита и ждал. Время тянулось медленно, секунда гнала секунду, а минуты едва ползли, плавно перетекали в вечность. Пачек часто поглядывал на часы: семь двадцать, семь двадцать две... Резерв времени еще остается. Он боялся только одного: раньше срока появится та женщина, которую Шпала выделил в провожатые телефонистам, и тогда...

Господи, лишь бы она не пришла. Сама говорила: у меня дети, которых нужно кормить, у меня муж, которого нужно поить. Нет, крови не будет, но зачем нужно насилие, если можно обойтись без него? На непредвиденный случай в кармане Пачека имелась пара наручников. Женщину придется приковать к трубе, сунуть ей в рот тряпку. А ключи от стальных браслетов положить на письменный стол. На эту ерунду уйдет какое-то время, а Пачек не должен отходить от щита. Лишь бы она не пришла...

Полчаса назад в комнате административного персонала Пачек обнаружил металлический крюк в полметра длиной. Такими крюками садовники, днем работавшие на дворе, крепили к земле деревянные бруски, сооружая что-то вроде теплиц над розовыми кустами. Пачек решил воткнуть крюк в электрощит, а рубильник оставить в верхнем положении.

В этом случае произойдет замыкание, перегорят предохранители, все контакты полетят, оплетка проводов расплавится. Значит, восстановить подачу света в помещения без профессиональных монтеров не удастся. Как только Пачек наткнулся на железный крюк, он опрометью сбегал к фургону, натянул на руки перчатки из толстой резины.

Шпала утром сказал, что своего генератора здесь нет. Это хорошо. Наверняка работники музея воспользуются мобильным телефоном, вызовут полицию. Ну, полицейские, разумеется, придут. И что? Как прикажете проводить осмотр места преступления, если нет света? На ощупь? Канитель надолго затянется. А до утра много воды утечет, все концы успеют спрятать. Пачек сунул в рот сигарету и прикурил от зажигалки. Разговор в замке продолжался, кодовых слов пока не произнес ни Донцов, ни Колчин. Они тянут время, стараются выяснить, нет ли рядом с Барешем и паном Петером других помощников. Если такие помощники существуют, что маловероятно, задача усложняется. Сделав несколько глубоких затяжек, Пачек поморщился, сигареты отсырели, табак стал кислить. Он выплюнул окурочок, раздавил его подметкой башмака. В наушнике слышны слабые помехи. – Трудно судить о ценности бумаг, – говорил Донцов. – Но хочу надеяться, что информация стоит этих денег.

Отвечал не Бареш, а человек, назвавшийся паном Петером.

– Информация стоит дороже. Просто у меня скромный аппетит. Человеческий, а не людоедский.

– Возможно, возможно...

Пачек взглянул на часы: семь тридцать три. И тут заметил в конце коридора какое-то движение, тень легла на стену и тут же исчезла.

– Черт, она все-таки пришла, – прошептал Пачек. – Пришла...

Он сделал два шага вперед, хотел бросить на пол арматурный прут с крючком на конце, стянуть с правой руки резиновую перчатку. Но из-за угла коридора появился рослый мужик в джинсах и черном шерстяном свитере. Черт, это же...

Яночка вскинул карабин.

Пачек спиной отступил к электрощиту. За секунду он сумел оценить ситуацию. Ясно, вытащить пистолет он уже не успеет. Но вырубить свет можно. Пачек сделал обратный замах рукой, крюк повис на электрощите. Заискрила проводка. Ярко вспыхнула и погасла лампочка под потолком.

Пачек даже не услышал выстрела, только лязгнул затвор самозарядного карабина. Пуля обожгла внутреннюю поверхность правого бедра, кровь фонтаном хлынула из лопнувшей артерии. Нога подломилась. Пачек присел на колени, зубами содрал с руки резиновую перчатку, достающую до локтя.

Яночка стрелял навскидку. Его и Пачека разделяли всего двадцать пять шагов, но Яночка ухитрился промазать.

Вторая пуля прошла мимо цели, просвистела над головой Пачека, выбила новый снап искр из уже сломанного электрощита. Яночка поднял приклад карабина, прижал его к плечу. Искры летели из электрощита, как праздничный салют с ночного неба. За две секунды Пачек, стоя на коленях, сорвал с руки перчатку, засунул руку под комбинезон. Курок пистолета уже стоял на боевом взводе, оставалось выключить предохранитель и нажать на спусковой крючок.

Пачек выхватил пистолет, выключил предохранитель.

Не хватило одной секунды, чтобы опустить руку и выстрелить. Пуля толкнула Пачека в грудь. Он пальнул в потолок, на пол полетело стекло разбитого пулей плафона. Пистолет вывалился из раскрытой ладони, отлетел в сторону. Еще одна пуля вошла в живот Пачека. Он коротко вскрикнул, дернулся, повалился лицом на пол. Выставив вперед руку, попытался дотянуться кончиками пальцев до пистолета. Кровь моментально пропитала рубашку и комбинезон.

По доскам пола разливалась черная бесформенная лужа. Теперь Яночка понял, что сопротивление сломлено, бояться нечего и некого. Он больше не стрелял. Неторопливо подошел к своей жертве, носком ботинка отфутболил пистолет в угол. Из электрощита сыпались искры, они падали на спину Пачека, прожигали комбинезон. Пахло горелой пластмассой. Яночка наступил ботинком на пальцы, лежащего на полу человека.

В наступившей тишине было слышно, как захрустели суставы, раздавленные массивным каблуком. Пачек не вскрикнул, он закрыл глаза, сжал веки. И так прикусил нижнюю губу, что лопнула слизистая, брызнула кровь.

Яночка выругался. Он опустил ствол карабина и трижды выстрелил в затылок своей жертвы. Яночка с усилием проглотил тошнотворный кислый комок, застрявший в горле, как затычка в бутылочном горлышке. Вытащив из кармана носовой платок, расправил его на ладони, тщательно вытер капельки пота, проступившие на лбу и щеках. Свернув платок, сунул его в брючный карман. – Пан Яночка, что тут случилось? Чем здесь пахнет?

Яночка вздрогнул от неожиданности, обернулся на женский голос, едва не выронил из рук карабин.

Электрическая проводка больше не искрила, сумерки сделались густыми, плотными. В конце коридора он разглядел лишь темные контуры женской фигуры. Значит, сейчас без десяти восемь. Пунктуальная Божена пришла, чтобы осмотреть помещения, запереть внутренние двери, калитку в воротах и включить сигнализацию.

По этой женщине можно часы проверять. Когда-то Яночка пошутил, дескать, пунктуальность погубит пани Божену. Сейчас эта убогая острога всплыла в памяти Яночки.

– Идите сюда, – приказал он. – Тут с человеком плохо. Телефонного мастера, кажется, ударило током.

– Ой, что вы говорите. А я иду через двор с ключами. Увидела вас в окне. А потом, смотрю, свет в окнах вдруг погас.

Женские шаги приближались.

Божена медленно шла по коридору, шаря рукой по стене, чтобы не оступиться впотьмах.

– Ой, забыла. У меня же с собой фонарик, – Божена остановилась, опустила руку в карман мокрого плаща. – Сейчас включу.

– Не надо ничего включать, – ответил Яночка каким-то сиплым, не своим голосом. – Не надо.

Когда свет в подземелье погас, дело близилось к концу.

Петер поставил на стол портфель, положил в него папку с документами. Он сдвинул шляпу на затылок и полностью сосредоточился на изучении столондолларовых купюр. Методично просматривал пачку за пачкой и, кажется, эта самодеятельная экспертиза могла продолжаться еще долго. Бареш не участвовал в беседе, за четверть часа он не произнес и десятка слов. Просто отошел в сторону, в тень, и с дистанции в десять шагов напряженно наблюдал за гостями и за своим хозяином. Он расстегнул пуговицы плаща, расслабил узел галстука, прислонился плечом к колонне.

Донцов и Колчин стояли в шаге от стола, напротив них слюнявил и тер пальцами купюры Петер. Колчин, не отрываясь, смотрел то на его руки, словно ждал какого-нибудь фокуса, то на физиономию Петера. Колчин думал, что мужики, вроде этого, нравятся женщинам. Выразительные серые глаза, волевой подбородок, прямой нос.

Донцов краем глаза следил за Барешем, готовясь произнести кодовые слова. Но свет погас без сигнала, в тот момент, когда этого никто не ждал. Лампочка в металлическом колпаке мигнула, и окружающий мир погрузился в кромешный мрак.

За короткое мгновение Донцов понял, что наверху случись что-то из ряда вон выходящее. Что-то такое, о чем подумать страшно.

Уже в темноте он резко выбросил вперед ногу, толкнул стол на пана Петера, но тот успел отскочить в сторону. На пол полетели раскрытый чемодан с деньгами и портфель, стол перевернулся на крышку. Колчин, стоявший слева, дернул Донцова за рукав, увлекая его за собой, в темноту.

– Уходи в дальний угол, – едва слышно прошептал Колчин на ухо Донцову. – Живо.

Справа грохнул выстрел. За ним другой, третий. Это Бареш выхватил пистолет и выстрелил в то самое место, на котором только что стояли его гости. Колчин повалился на земляной пол, перекатился с груди на спину и обратно на грудь. Донцов на карачках отполз за колонну.

– Где они? – крикнул Петер.

Бареш не ответил. Он замер на месте, выставил вперед руку с пистолетом и вслушивался в тишину, готовясь стрелять на звук. Донцов поднялся, прижался плечом к колонне, боясь споткнуться, сделал несколько осторожных беззвучных шагов к невидимому дверному проему в углу зала. Бареш сделал три выстрела в темноту. Пуля настигла Донцова в тот момент, когда он совершал короткую перебежку к следующей колонне.

Обожгло предплечье чуть ниже локтя.

Донцов вскрикнул, упал, но тут же вскочил на ноги. Пуля просвистела слишком высоко, выбила из колонны каменную крошку, которая разлетелась по сторонам, больно оцарапала лицо. Донцов метнулся в угол зала, туда, где по его расчетам, должен находиться лаз в стене.

Бареш расстрелял в темноту последние патроны. Он понял, что подстрелил одного из визитеров, а может, подстрелил и второго. Насмерть? Если гости ранены, остается их добить. Дело не самое простое в такой-то темноте, зато почти безопасное, ведь противник не вооружен. Бареш выщелкнул использованную обойму, вставил в пистолетную рукоятку снаряженную обойму и передернул затвор.

Страх не было. Но Бареш вспотел от волнения, охватившего душу, от затхлой подвальной духоты. Воротник рубашки сделался сырым, сорочка прилипла к груди и спине. Капли пота катились по лбу, щекам, щекалоти верхнюю губу. Бареш облизал губы кончиком языка. Справа возился Петер, он ползал в темноте у перевернутого стола, он нащупывал и заталкивал в чемодан разлетевшиеся упаковки денег. Бареш осторожно шагнул вперед, остановился, прислушался.

Тишина, как на кладбище в рождественскую ночь. Колчин сидел на полу, прислонившись спиной к колонне, он вытащил из кармана стреляющую ручку. На вид это обычная перьевая

ручка с колпачком. Для того чтобы произвести один выстрел, нужно отвинтить колпачок, вставить в корпус ручки малокалиберный патрон. Завернув колпачок, привести в боевое положение пружину. Затем прицелиться и отпустить пружину. Сейчас ручка заряжена, чтобы выстрелить, нужно лишь взвести и отпустить пружину.

Из стреляющей ручки можно убить человека лишь в том случае, если мелкокалиберная пуля войдет в какой-то жизненно важный орган, в артерию или в глаз. Беда в том, что из такого сомнительного оружия и белым днем едва ли попадешь в цель даже с короткой дистанции. Но если пуля все-таки достанет Бареша, хотя бы царапнет, можно воспользоваться мгновением. Броситься вперед, сбить его с ног и завладеть пистолетом. Бареш стоял с другой стороны колонны, его и Колчина разделяли десять-двенадцать метров. Колчин запустил руку во внутренний карман, вытащил бумажник. В отделении для мелких денег лежало три малокалиберных патрона. Он расстегнул клапан, вытащил патроны, два положил в рот, за щеку. Третий зажал губами.

Бареш не собирался палить в темноту, попусту расстреливая патроны. Он должен бить прицельно, наверняка. В кармане остается еще одна снаряженная обойма. Но только одна.

– Выходите, – крикнул Бареш. – Я не буду стрелять. Обещаю. Это какое-то недоразумение. Клянусь, мы просто поговорим. Потолкуем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.